B160 220

С. Н. ЮЖАКОВЪ.

B160 220

АНГЛО-РУССКАЯ РАСПРЯ.

Небольшое предисловіе къ большимъ событіямъ.

Политическій этюдъ.

Цѣна 1 р.

327
I-0-17

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
...я Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.
1885.

B160 220

С. Н. ЮЖАКОВЪ.

327
10.17

АНГЛО-РУССКАЯ РАСПРЯ.

Небольшое предисловіе къ большимъ событіямъ.

Политическій этюдъ.

10203

Цѣна 1 р.

ИСКЛЮЧЕНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.
1885.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Мая 1885 года.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
692358

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

Введеніе 1

ГЛАВА I. **Что такое восточный кризисъ?**

Сущность восточнаго вопроса.—Европейская культура и прогрессъ.—Восточныя культуры и цикличность.—Невозможность для востока возобновить циклъ и необходимость пріобщиться къ прогрессу. — Значеніе Англіи и Россіи въ этомъ процессѣ. 5

ГЛАВА II. **Англія на Востокѣ.**

Коммерческія отношенія Востока и Запада прежде и нынѣ.—Значеніе Востока для Англіи.—Индія.—Рынки.—Сущность англійскихъ интересовъ на Востокѣ 15

ГЛАВА III. **Еще объ Англіи на Востокѣ.**

Resumé англійскихъ восточныхъ интересовъ.—Чѣмъ они обезпечиваются? Что имъ угрожаетъ?—Опредѣленіе англійской восточной политики.—Значеніе ея для Востока.—Значеніе ея для самой Англіи.—Заключеніе объ Англіи. 29

ГЛАВА IV. **Русское движеніе на Востокъ.**

Два Востока.—Ахура-Мазда и Ахриманъ. — Роль Ахримана въ исторіи Востока.—Вмѣшательство Ахримана въ русскую исторію и его вліяніе на Россію.—Борьба Россіи съ Востокомъ Ахримана. — Эта борьба составляетъ одну изъ главныхъ причинъ русскаго движенія на Востокъ.—Общій очеркъ движенія 46

ГВАВА V. **Русское движеніе на Востокъ.**

Двойной характеръ движенія: умиротвореніе и колонизація.—Казачество.—Незначительность торговаго движенія.—Линіи и ихъ фатальное движеніе. — Пустыня.—Перенесеніе линій за пустыню. — Оренбургская линія.—Сибирская линія—Необходимость сомкнуть ихъ и втор-

женіе въ культурные оазисы Средней Азіи. — Область умиротворенія. — Обзоръ старо-культурныхъ оазисовъ во власти хищниковъ. — Завоеваніе въ этихъ оазисахъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.—Значеніе этого шага.—Встрѣча съ Англіей. 57

ГЛАВА VI. **Встрѣча соперницъ** (1798—1885 гг.).

Общая характеристика. — Въ чемъ опасность русскаго движенія для Англіи?—Неуязвимость Англіи для континентальныхъ державъ. — Задачи англійской политики съ этой точки зрѣнія.—Первые симптомы соперничества.—Планы Императора Павла.—Англо-персидскій договоръ 1809 г.—Сербское возстаніе и русско-турецкая война 1809—1811 гг. — Греческое возстаніе и отношеніе Европы.—Русско-персидская война 1826 г.—Русско-Турецкая война 1828 — 29 гг. — Политика Англіи, Австріи и Франціи.—Адріанопольскій миръ и Ускіаръ-Скелессійскій договоръ. — Русское вліяніе въ Стамбулѣ и Тегеранѣ.—Наступленіе персіянъ на афганцевъ.—Хивинская экспедиція.—Кульминаціонный пунктъ русскаго вліянія на Востокѣ. — Англія выступаетъ на встрѣчу. — Идея средне-азіатской коалиціи противъ Россіи и рядъ посольствъ въ Среднюю Азію.—Англо-афганская война.—Англо-персидская война.—Конвенція о Понто-Эгейскихъ проливахъ.—Паденіе русскаго вліянія на Востокѣ.—Первая восточная война.—Дальнѣйшія событія и реабилитація русскаго значенія на Востокѣ.—Послѣднія осложненія. 76

ВВЕДЕНІЕ.

Весь цивилизованный міръ взволнованъ нынѣ ожиданіемъ самыхъ грозныхъ событій. Готовится столкновеніе между Россіей и Англіей, и никто не можетъ предвидѣть ни исхода этого столкновенія, ни возможнаго размѣра его, ни значенія для остальныхъ народовъ, ни вѣроятной роли, которая должна выпасть на долю этихъ народовъ. Вмѣстѣ со страшными событіями, столь фатально и съ такою роковою необходимостью надвигающимися на смущенный міръ, надвигается и полная неизвѣстность будущаго. Что принесетъ это будущее? Что оно ниспровергнетъ и уничтожитъ, что породитъ и возвыситъ? На что надѣяться, чего ожидать, къ чему готовиться — все это вопросы, столь-же тревожные и страшные, сколько и неразрѣшимые. *Ничего не гарантировано и все становится вопросомъ* — такова ужасная формула грядущихъ событій. Но неужели, спрашиваетъ изумленный міръ, какой-нибудь клочекъ песчаной степи, въ родѣ Пенде, или даже ничтожный для такихъ необъятныхъ имперій, какъ Россія и Англія, культурный оазисъ въ родѣ Герата, заслуживаютъ подобной борьбы, подобныхъ ожиданій и опасеній? Неужели весь

цивилизованный и нецивилизованный міръ можетъ быть взволнованъ и потрясенъ въ его основахъ изъ за подобныхъ пустяковъ? Рисковать *всѣмъ*, идти на встрѣчу полной неизвѣстности, приготовляться ко всякимъ послѣдствіямъ, распространять всеобщую тревогу—и все затѣмъ, чтобы рѣшить вопросъ о клочкѣ территоріи, ничтожной по размѣрамъ, бѣдной населеніемъ, заброшенной въ самую непроходимую глушь дикой, невѣжественной и нищей страны! Такіе вопросы задаются всюду. Съ рѣдкимъ единодушіемъ нѣмцы, французы, австрійцы, мадьяры—ставятъ эти вопросы. Въ Англіи и въ Россіи не менѣе единодушно общество и печать дѣлаетъ тоже самое. Никто не желаетъ войны, всѣми почитаются поводы къ ней ничтожными и безсмысленными, всѣ опасаются ее и никто не надѣется на нее, даже обѣ спорящія стороны и тѣмъ не менѣе война надвигается и усилія обѣихъ сторонъ избѣгнуть ее покуда разбиваются о какую-то роковую безсмысленную необходимость воевать. Но точно-ли эта роковая необходимость такъ ужъ безсмысленна? Точно-ли борьба затѣвается изъ за Пенде, или изъ за разногласія въ донесеніяхъ русскаго и англійскаго генераловъ?

Конечно, искать *нравственнаго* смысла въ кровопролитіяхъ и взаимныхъ раззореніяхъ культурныхъ націй было бы напрасно, и съ этой точки зрѣнія всякая война безсмысленна, но историческій смыслъ такихъ крупныхъ событій, какъ столкновеніе двухъ міровыхъ державъ, долженъ быть и историческаго безсмыслія въ этомъ столкновеніи быть не можетъ. Франко-германская война объявлена была изъ за дипломатической щепетильности, но конечно ея смыслъ историческій былъ

въ иномъ мѣстѣ. Весь міръ зналъ, что война эта будетъ и что она неизбѣжна. Она и разразилась, а изъ за чего она была объявлена — къ историческому смыслу самого событія ни мало не относится. Тоже и теперь. Весь міръ, европейскій и азіатскій, давно ожидаетъ этой войны и давно почитаетъ ее неизбѣжною. Она и будетъ. Сегодня-ли, завтра, или еще позже, изъ за Пенде, изъ за Кореи, изъ за Босфора, или изъ за дипломатической щепетильности, но она будетъ,—это всѣ знаютъ и чувствуютъ, хотя и не всѣ высказываютъ и не всѣ сознаются. Ясно, слѣдовательно, что не въ Пенде и не въ разногласіяхъ двухъ рапортовъ слѣдуетъ искать смысла надвигающейся грозы. Историческій смыслъ событій вскрывается далеко не такъ просто и его объясненіе лежитъ даже не въ одной политической исторіи сталкивающихся странъ, а во всей совокупности ихъ культуры, быта, исторіи, ихъ историческихъ условій и задачъ.

Міровыя войны (а предстоящая война должна быть и будетъ міровою въ самомъ полномъ и точномъ смыслѣ слова) имѣютъ міровое значеніе и міровой смыслъ. Міровыя причины управляютъ ихъ теченіемъ, началомъ и окончаніемъ. Міровыя войны конца XVIII и начала XIX столѣтій имѣли такое значеніе и такой смыслъ въ смѣнѣ силъ, управляющихъ судьбами цивилизованныхъ народовъ и направляющихъ ихъ исторію. Франція явилась представительницею новыхъ силъ, потребовавшихъ себѣ мѣста и даже господства въ мірѣ. Третье сословіе, буржуазія, капитализмъ — таковы были эти силы и міровыя войны той эпохи окончились торжествомъ новыхъ силъ, хотя ихъ представительница, Франція,

и понесла въ концѣ концовъ военное и политическое пораженіе. Міровыя войны, началомъ которыхъ можетъ быть предстоящая англо-русская, тоже не могутъ быть ни чѣмъ инымъ, кромѣ борьбою міровыхъ историческихъ силъ, міровыхъ началъ, принциповъ, общественныхъ группъ и интересовъ. Ими, этими міровыми войнами должна опредѣлиться снова общественная физіономія цивилизованнаго міра, направленіе его исторіи, ближайшій характеръ его культуры. Буржуазный капиталистическій режимъ, дошедшій (въ Европѣ) до самаго крайняго выраженія именно въ Англіи и притомъ именно въ лицѣ Англіи перенесшій свое господство и въ международныя отношенія, этотъ режимъ встрѣчаетъ въ лицѣ Россіи страну не буржуазную и не капиталистическую, а построившую свою культуру на идеѣ крестьянства; борьба между двумя міровыми колоссами поневолѣ явится борьбою между двумя режимами, провѣркою ихъ состоятельности и ихъ значенія и роли въ будущемъ. Въ этомъ—смыслъ борьбы и въ этомъ же ея причина, ибо обѣ страны, слѣдуя каждая не болѣе, какъ логикѣ своей культуры и требованіямъ своей исторіи, пришли на Востокѣ въ такое соприкосновеніе, что ужиться рядомъ не могутъ и, покуда не преобразовали своего внутренняго строя по образцу противника, не должны уживаться, не уживутся, какъ бы того государственные люди обоихъ государствъ ни желали. Какъ и какимъ путемъ дошли Россія и Англія до такого взаимнаго положенія — этотъ вопросъ и составляетъ предметъ настоящаго этюда.

ГЛАВА I.

Что такое восточный кризисъ?

Сущность восточнаго вопроса.—Европейская культура и прогрессъ.—Восточныя культуры и цикличность.—Невозможность для востока возобновить циклъ и необходимость пріобщиться къ прогрессу.—Значеніе Англіи и Россіи въ этомъ процессѣ.

Въ своей „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ Бокль высказалъ убѣжденіе, что цивилизованный міръ культурныхъ народовъ Европы и Америки дошелъ до той степени развитія и прогресса, когда губительныя и разорительныя украшенія старыхъ лѣтописей, войны, становятся все рѣже, все невозможнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, наблюдателю половины пятидесятыхъ годовъ этого столѣтія и вправду могло показаться, что міръ начинаетъ питать сильное отвращеніе къ войнамъ и что нынѣ чрезвычайно трудно натравливать націи другъ на друга. Съ 1815 г. до 1853 г. не было въ Европѣ ни одной войны между ея европейскими членами; война 1828—29 гг., веденная между Россіей и Турціей, была по Боклю, столкновеніемъ между самыми отсталыми державами Европы; остальныя войны были междоусобіями, борьбою партій или племенъ внутри государства. Наконецъ самая большая европейская война 1853—56 гг.

вызвана опять-таки русско-турецкою войною, т. е. столкновеніемъ между самыми отсталыми европейскими державами. Всѣ эти соображенія тѣшили англійскаго мыслителя-гуманиста и заставляли его предвѣщать для Европы долгій миръ и все меньшую случайность войны! Увы! Предсказаніямъ этимъ не суждено было сбыться, и исторія четверти столѣтія, протекшей со смерти Бокля, какъ бы взялась опровергнуть знаменитаго историка. Въ 1859 г. вспыхнула война между Франціей и Австріей, въ 1860 г. между сѣверной и южной Италіей, въ 1861—65 гг., война между сѣверомъ и югомъ американской республики, въ 1862 г. — турко-черногорская война, въ 1863—64 гг.—польское возстаніе, въ 1864 г.—мексиканская экспедиція, въ 1864—65 гг. датско-германская война, въ 1866 г.—австро-прусская война, съ 1866 по 1868 г. — критское возстаніе, 1870—71 гг. великая франко-германская война, въ 1875 г.— герцеговинское возстаніе, въ 1876 г.—война между Турціей и славянскими княжествами, въ 1877—78 гг. между Турціей и Россіей и наконецъ съ тѣхъ поръ и по сіе время міръ постоянно живетъ подъ гнётомъ ожиданія большой европейской войны. Я не считалъ войнъ, которыя вели державы въ Азіи, Африкѣ и т. д., не указалъ на войны Англіи съ Китаемъ, Бирмою, Персіею, Абиссиніею, Ашантіями, Трансваальскою республикою, Малаккою, Афганистаномъ, Египтомъ, Суданомъ, племенами Кефиристана, Гималаевъ и т. д., на войны Россіи въ средней Азіи и на Кавказѣ, на войны Франціи въ Алжиріи, Тунисѣ, Тонкинѣ, Мадагаскарѣ. А между тѣмъ все же и эти войны были ведены по крайней мѣрѣ частью державами культур-

наго міра. Но не говоря уже обо всѣхъ этихъ ежегодныхъ и обильныхъ кровопролитіяхъ, одни крупныя войны послѣднихъ тридцати лѣтъ унесли милліоны жертвъ, раззорили громадное пространство земли, истратили мильярды, собранные кровавымъ народнымъ трудомъ. Такова та цивилизація, которою готовъ былъ гордиться Бокль; таковы тѣ культурныя націи, въ которыя готовъ былъ вѣрить англійскій мыслитель! Впрочемъ, я вовсе не намѣренъ лить безплодныя слезы о людской испорченности и трогать читателя отвратительными картинами человѣческаго прогресса XIX в., а желаю въ этомъ небольшомъ этюдѣ, хотя немного уяснить — если не смыслъ событій, надвигающихся на насъ, подобно какому-то тлетворному, но неотвратимому смерчу (такъ какъ въ этихъ событіяхъ нѣтъ человѣческаго смысла), то по крайней мѣрѣ ихъ причинное соотношеніе съ другими историческими фактами и явленіями. Эти событія, т. е. предвидимая Европою война между Россіей и Англіей, и будутъ предметомъ этого очерка, въ которомъ я намѣренъ освѣтить ихъ по крайней мѣрѣ настолько, чтобы каждый могъ знать и видѣть ихъ мѣсто въ ряду явленій современной исторіи.

Война между Россіей и Англіей, говорятъ, неизбѣжна; такъ по крайней мѣрѣ говорятъ газеты Германіи и Австріи, Англіи и Россіи. Я не знаю, неизбѣжна-ли война въ 1885 году (хотя и мнѣ она представляется довольно вѣроятною), но я убѣжденъ, что при современномъ культурномъ состояніи Европы, при принципахъ, руководящихъ иностранною политикою всѣхъ безъ исключенія націй, эта война (или даже рядъ войнъ) рано или поздно неизбѣжна. Вся прошлая исторія двухъ

государствъ, вся прошлая исторія Востока, того Востока, на которомъ они встрѣчаются и сталкиваются, подготовила и создала положеніе вещей, при которомъ Россія и Англія превратились въ двухъ соперницъ, которымъ обѣимъ вмѣстѣ не можетъ быть мѣста въ Азіи. На первый разъ это покажется парадоксомъ, такъ какъ извѣстно, что Азія велика и обильна и что если порядку въ ней мало, за то мѣста много. Однако, не надо забывать, что и Англія и Россія ходомъ исторіи взяли на себя задачу ввести въ Азію этотъ „порядокъ“ котораго такъ мало, ну а насколько способны они вводить въ Азію порядокъ (говоря высокимъ слогомъ „культуру“), насколько они готовы творить это дѣло мирно и дружно,—показалъ примѣръ Турціи, этого въ сущности лишь небольшаго уголка азіатскаго Востока! Поясню эти мысли обстоятельнѣе.

Европа гордится цивилизаціей, культурою, прогрессомъ. Гордящіеся сыны общеевропейскаго культурнаго отечества и просвѣщеннаго вѣка обыкновенно забываютъ приэтомъ, что если извѣстный *характеръ цивилизаціи и культуры* и составляетъ собственность и особенность Европы и XIX в., то этого уже никакъ нельзя сказать про „цивилизацію и культуру“ вообще. И до современной европейской цивилизаціи, и на ряду съ нею были и существуютъ весьма многообразные типы старыхъ культуръ, совершенно отличающіеся отъ европейской и развившіеся самобытно и независимо отъ европейской цивилизаціи. Рядъ древнихъ культуръ (Египта, Финикіи, Вавилоно-Ассиріи, Іудеи, Ирана, классическаго міра) и рядъ современныхъ восточныхъ культуръ (мусульманская, китайская, индостанская),

представляютъ собою именно такое самобытное развитіе оригинальныхъ и вполнѣ особенныхъ культуръ. Здѣсь не мѣсто входить въ характеристики этихъ различныхъ типовъ человѣческой культуры; для насъ довольно будетъ помнить, что вообще всѣ извѣстныя исторіи культуры, при всемъ своемъ многоразличіи, разнообразіи и даже противуположности, могутъ быть подведены подъ двѣ главныя категоріи: культуры прогрессивныя (научныя) и культуры застоя и циклическаго развитія (жреческія). Поставленныя въ скобкахъ характеристики далеко не исчерпываютъ собою различія между ними и даже не даютъ причиннаго истолкованія этого различія, но лишь намекаютъ на наиболѣе распространенные признаки обѣихъ категорій. Ихъ можно-бы было тоже назвать *свободными* и *деспотическими*, но и эта характеристика была-бы неполна и относилась-бы лишь къ крайнимъ выраженіямъ обоихъ типовъ. Истолкованія ихъ различія надо искать гораздо глубже и преимущественно въ международной исторіи странъ, пріобрѣвшихъ своей культурѣ способность прогрессировать, а не вертѣться какъ бѣлки въ колесѣ. При извѣстныхъ условіяхъ международныхъ отношеній цикличность историческаго движенія является неизбѣжною и смѣна періодовъ развитія, процвѣтанія, склоненія, упадка и наконецъ паденія представляется фатальною. При другихъ условіяхъ цивилизація лишь переживаетъ отъ времени до времени кризисы и находитъ въ себѣ достаточно силы и живучести для продолженія прерваннаго кризисомъ прогресса. Такова могла быть классическая культура, но совокупность внѣшнихъ условій ея существованія привела и ее къ типу циклическаго движенія. Такова — ны-

нѣ европейская цивилизація и покамѣсть нѣтъ основанія предполагать, чтобы ей грозила въ близкомъ будущемъ серьезная опасность. Европейская цивилизація прогрессивна. Не таковы были древнія и сохранившіяся доселѣ цивилизаціи Востока. Много тысячелѣтій, гораздо дольше, нежели Европа, живетъ Востокъ культурною жизнью, но во все это долгое время, всѣ многочисленныя смѣнившія другъ друга и столь различныя цивилизаціи не отличались способностью постояннаго прогресса, всѣ они были и нынѣ представляются культурами застоя, или циклическаго движенія. Фатально и неизбѣжно наступаетъ въ исторіи каждой такой культуры моментъ, когда она начинаетъ склоняться къ упадку, государство разлагается, самая раса до извѣстной степени вырождается. Дѣло кончалось обыкновенно появленіемъ новой, свѣжей расы, покорявшей, порабощавшей и истреблявшей старую расу и ея культуру и начинавшей развитіе съизнова. Новая раса, создавшая въ свою очередь болѣе или менѣе цвѣтущую матеріальную (а иногда и духовную) культуру, болѣе или менѣе могущественное государство, приходила опять къ упадку, разложенію, вырожденію и даже вымиранію и т. д. Такъ шла исторія Востока тысячелѣтія, пока на западѣ не выдѣлился наконецъ изъ ряда подобныхъ же культуръ типъ прогрессивной культуры. Какъ это случилось въ Европѣ и почему этого не случилось въ Азіи,— вопросъ, конечно, весьма интересный, но сегодня намъ не подлежащій. Для нашей цѣли довольно, что именно такъ, а не иначе произошло, и что пока Востокъ вертѣлся въ своемъ заколдованномъ циклизмѣ, Западъ все шелъ и шелъ впередъ и достигъ

наконецъ такой высоты матеріальной и умственной культуры, что борьба Востока съ Западомъ (проходящая черезъ древнюю. средневѣковую и даже частью новую исторію) оказалась уже невозможностью. Западъ могъ задавить весь Востокъ съ его сотнями миліоновъ жителей неизмѣримымъ превосходствомъ своей культуры. Тогда-то началась борьба уже не съ Востокомъ, а изъ за Востока: борьба Голландіи съ Португаліей, Англіи съ Голландіей и Франціей изъ за Индіи, борьба Англіи и Франціи съ Россіей изъ за Турціи, соперничество въ средней Азіи, Персіи, Китаѣ и т. д. Что-же дѣлалъ Востокъ, пока въ теченіи столѣтій Европа раздиралась войнами изъ за него, войнами, которыя спасли его отъ полнаго покоренія Европою? Что онъ дѣлалъ?—Продолжалъ свое предопредѣленное, издревле установившееся историческое движеніе; различные его члены довершали циклъ своей культуры. Этимъ путемъ постепенно одна культура за другой приходила къ упадку, одно государство за другимъ теряло былое могущество, раса за расою вырождалась. Въ одной части Азіи раньше, въ другой позже, но втеченіи послѣднихъ двухъ столѣтій повсюду старыя восточныя культуры завершили циклы своего развитія, пришли къ полному упадку, государства къ разложенію заживо, господствующія расы къ вырожденію. Въ одномъ мѣстѣ раньше, вь другомъ позже, но повсюду въ Азіи наступила пора обновленія; пришла повсюду пора старымъ культурамъ и государствамъ рухнуть и уступить мѣсто новымъ, но на этотъ разъ повсюду это обновленіе прежнимъ способомъ оказалось невозможнымъ. Смѣна культуръ и расъ новыми разбилась о неподвижность, нало-

женную на Востокъ Западомъ. Такъ Европа не допустила ни разу Турцію уничтожить номинальное государство Персидское, но она же не допустила паденія и Турціи въ 1833 г. вслѣдствіе возмущенія Египта. На индійскія и индостанскія движенія наложила руку Англія, на среднеазіатскія—интердиктъ былъ наложенъ Россіей, на сѣвероафриканскія—Франціей и Англіей. Такимъ-то путемъ весь обширный Востокъ очутился въ совершенно новомъ историческомъ положеніи; его культуры сказали повсюду свое послѣднее слово, но смѣнить ихъ новыми, которыя возродили бы на Востокѣ жизнь и движеніе, не дозволено внѣшнею силою, и вотъ повсюду надъ Востокомъ господствуетъ нѣчто политически, культурно и нравственно-мертвое. Трупъ отоманской имперіи, трупъ персидскаго царства, полутрупъ Китая, а кругомъ и между—цѣлая плеяда умершихъ, но сохраненныхъ исторіей государственныхъ мумій. Такова картина Востока. Атмосфера смерти, умершихъ культуръ, безжизненныхъ государствъ, вырождающихся расъ,—такова атмосфера восточной жизни отъ береговъ Великаго океана до береговъ Средиземнаго моря. Всюду одна картина, одинъ процессъ то умирающихъ цивилизацій, то уже мертвыхъ, но продолжающихъ существовать вопреки смерти и исторической логикѣ. Но жизнь человѣческая не умерла на Востокѣ, а если люди живутъ, то жизнь эта должна рано или поздно возродить и соціальную и историческую жизнь. Востокъ, конечно, возродится и долженъ возродиться, а такъ какъ старый путь возрожденія чрезъ смѣну расъ, чрезъ нашествія, истребленія и. т. д. уже невозможенъ, то Востоку приходится искать другого

исхода, и, повидимому, ему остался всего одинъ исходъ, хотя къ нему и много путей. Этотъ исходъ: переработать свои культуры по типу прогрессивному. Но глубокая принципальная грань лежитъ между этими типами, грань, трудно переходимая, и вотъ въ ея то переходѣ тою или другою частью Востока и лежитъ историческая сущность „восточнаго вопроса“ или, какъ его съ нѣкоторыхъ поръ правильнѣе окрестили, — восточнаго кризиса. Восточный кризисъ заключается въ переходѣ странъ Востока отъ типа неподвижныхъ культуръ къ типу прогрессивному, причемъ вдобавокъ старыя культуры пришли въ полный упадокъ, а господствующія расы къ вырожденію, а частью и вымиранію (турки, персіяне).

Но если это, такъ сказать, — формула восточнаго кризиса, то осуществленіе ея въ разныхъ странахъ весьма различно. Такъ, въ Японіи старая культура, войдя въ общеніе съ европейскою, нашла въ себѣ достаточно жизненности для того, чтобы самой начать надъ собою работу пересозданія. Эта работа уже совершена русскою культурою, отклоненною татарщиною отъ европейскаго типа къ развитію по восточному типу и только въ XVII ст. начавшею внутреннюю работу переформированія. Въ другихъ странахъ, на ряду съ господствующею расою, преданною восточной культурѣ, существуютъ подвластныя племена, склонныя къ прогрессу и освобожденіемъ которыхъ и совершается процессъ возрожденія Востока (примѣръ — Европейская Турція). Наконецъ, въ третьихъ странахъ новая европейская культура насаждается европейскими (т. е. англійскими, французскими, или русскими) завоевате-

лями. Таковы процессы восточной исторіи, конечное значеніе которыхъ одно и то же: пріобщеніе Востока къ западной культурѣ.

Но это конецъ концовъ. Начало-же и середина отдѣлены отъ него еще цѣлымъ моремъ человѣческой крови и слезъ. Россія и Англія съ двухъ сторонъ нанесли и каждодневно наносятъ тяжкіе удары старому восточному міру; съ двухъ сторонъ онѣ начали работу пересозданія восточной культуры по новому, болѣе высокому типу, но конечно работа эта ими начата не ради Востока и вовсе не въ его интересахъ. Собственная тысячелѣтняя исторія привела ихъ къ этой задачѣ и, приведя къ ней, поставила не рядомъ для общаго дѣла, а лицомъ къ лицу для взаимной помѣхи.

Но какъ это случилось и какимъ путемъ Россія и Англія силою исторической логики были приведены къ задачѣ разрѣшенія восточнаго кризиса?

ГЛАВА II.

Англія на Востокѣ.

Коммерческія отношенія Востока и Запада прежде и нынѣ.—Значеніе Востока для Англіи.—Индія.—Рынки.—Сущность англійскихъ интересовъ на Востокѣ.

Въ прошлой главѣ я старался показать, въ чемъ сущность восточнаго кризиса. Болѣзнь всего Востока отъ Китая до Турціи—смерть восточныхъ культуръ, разложеніе восточныхъ политическихъ силъ, вырожденіе господствующихъ расъ; болѣзнь эта періодически и неизмѣнно повторяется въ разныхъ странахъ Востока во все многотысячелѣтнее культурное бытіе его, постоянно излечиваясь однимъ и тѣмъ же путемъ. Обанкрутившіяся культуры низвергались и уничтожались силою; обезсилѣвшія политическія тѣла разносились на части нашествіями; выродившіяся культурныя расы истреблялись огнемъ и мечемъ; на мѣсто умершей культуры воцарялось варварство, которое и начинало съизнова свою исторію, фатально повторяя тѣ-же этапы роста, процвѣтанія, упадка и разрушенія. Но нынѣ ходъ всемірной исторіи наложилъ запрещеніе на послѣдній фазисъ восточнаго цикла, разрушеніе заказанно, а существованіе вопреки историческому смыслу и ло-

гикѣ приказано; но какъ это могло произойти? Откуда явилась и народилась историческая сила, оказавшаяся въ состояніи сказать „стой!“ „великому и могучему“ Востоку?

Эта сила — европейская цивилизація. Но почему же она, нанося съ одной стороны самые тяжкіе и непоправимые удары азіатскимъ культурамъ, съ другой стороны охраняетъ ихъ эфемерное существованіе и не позволяетъ завершиться естественному и столько разъ уже повторявшемуся процесу? На этотъ вопросъ я постараюсь хотя отчасти отвѣтить съ этой главѣ.

Въ то время, когда Европа была бѣдна и погружена въ безпробудное варварство, Востокъ былъ не бѣднѣе, если не богаче, своего современнаго состоянія. Онъ былъ богатъ своею матеріальною культурою, произведеніями своего искуства и произведеніями своей почвы. Это нынѣ столь жалкое въ сравненіи съ западнымъ восточное искуство казалось тогда полу-дикой Европѣ недосягаемымъ идеаломъ. Персидскія и индійскія ткани, дамаская сталь, восточныя драгоцѣнности, южные плоды,—все это возбуждало удивленіе средневѣковаго Запада, все это было предметомъ оживленной торговли съ Востокомъ. Торговля эта была источникомъ процвѣтанія прибрежій Средиземнаго моря. Когда Васко-де-Гама открылъ морской путь въ Индію, тогда торговля перешла въ руки атлантическихъ націй. Торговля съ Востокомъ обогащала націи; естественно, поэтому, что изъ за нея началось ревнивое соперничество между націями атлантическаго прибрежья. Португалія, Испанія, Франція, Англія и Голландія вступили въ состязаніе изъ-за первенства въ заманчивой торговлѣ съ

отдаленнымъ Востокомъ, а болѣе всего изъ-за индійской торговли.

Національныя антипатіи, воспитанныя прошедшею исторіею, питаемыя невѣжествомъ, суевѣріями и вѣроисповѣдными расколами,—все это уже само по себѣ представляло слишкомъ достаточно горючаго матеріала, а тутъ еще привошелъ элементъ торговаго соперничества на Востокѣ. Торговое соперничество выразилось въ стремленіи монополизировать сношенія съ Востокомъ (преимущественно съ Индіею), а для такой монополизаціи необходимо было прежде всего стать на Востокѣ твердою ногою въ политическомъ смыслѣ. Отсюда стремленія къ завоеваніямъ на берегахъ Индійскаго и Великаго океановъ и безконечныя войны между европейскими державами изъ-за владѣній въ Индіи. Сначала имѣли успѣхъ португальцы, которые и утвердились довольно прочно въ Индіи, но вытѣснены они были оттуда голландцами послѣ ожесточенныхъ и кровопролитныхъ войнъ. Въ этотъ же періодъ появляются на индостанскихъ берегахъ первыя англійскія и французскія факторіи. По вытѣсненіи португальцевъ изъ Индостана, возгорѣлась борьба за преобладаніе между Англіей, Голландіей и Франціей. Послѣ цѣлыхъ вѣковъ кровопролитныхъ и раззорительныхъ войнъ, Англія вытѣстила своихъ соперницъ съ Остъ-Индскаго полуострова и дѣйствительно захватила обладаніе берегами Индостана. Окончательно это было достигнуто въ началѣ XIX вѣка, во время наполеоновскихъ войнъ; но пока шли эти столѣтія борьбы за главный рынокъ Востока, условія этого рынка и отношенія его къ рынку европейскому радикально измѣнились.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Европа шла впередъ, Востокъ стоялъ на мѣстѣ или даже свершалъ свое періодическое склоненіе къ упадку. Вслѣдствіе этого вышло то, что европейская культура не только догнала восточную, но скоро и окончательно оставила ее позади себя. Произведенія Европы оказались и лучше, и дешевле произведеній Востока. Европа болѣе не нуждалась въ произведеніяхъ азіатскаго искуства. И если борьба въ Индостанѣ и вообще восточныхъ водахъ возгорѣлась изъ-за стремленія монополизировать торговлю произведеніями Азіи, то нынѣ это оказывалось совершенно излишнимъ и безполезнымъ. Значеніе азіатскаго рынка вообще, а индійскаго въ частности радикально измѣнилось. Европа стала нуждаться въ этихъ рынкахъ вовсе не для закупки на нихъ и вывоза къ себѣ необходимыхъ и потребляемыхъ ею произведеній Азіи, а для помѣщенія на нихъ собственныхъ произведеній, для сбыта продуктовъ собственной промышленности. Такой радикальный переворотъ произошелъ, конечно, не вдругъ и наступилъ онъ не для всѣхъ европейскихъ націй одновременно, не для всѣхъ въ одной степени.

Англія первая почувствовала этотъ переворотъ въ торговыхъ отношеніяхъ Европы и Азіи и первая воспользовалась имъ въ свою пользу, т. е. въ пользу торговыхъ и промышленныхъ воротилъ своихъ. Блеетящіе морскіе успѣхи въ теченіе трехсотлѣтней борьбы со всѣми морскими державами континента обезпечили за Англіей не только окончательную побѣду надъ своими соперниками въ Индостанѣ, но и вообще въ европейскихъ колоніяхъ на всемъ земномъ шарѣ. Такимъ образомъ, монополизируя въ свою пользу торговлю съ

культурнымъ Востокомъ, Англія въ то же самое время монополизировала и торговлю съ многими варварскими, полудикими и совершенно дикими побережьями. Торговля эта тоже представляла немалую выгоду, немалый источникъ обогащенія для британскихъ коммерсантовъ и мореплавателей; но тутъ условія были уже съ самаго начала радикально иныя. Здѣсь съ самаго начала надо было являться съ произведеніями промышленности, продуктами собственной культуры и обмѣнивать ихъ на сырье въ видѣ металловъ, слоновой кости, кожъ, произведеній южной природы и, наконецъ, на человѣческій товаръ, невольниковъ. Здѣсь, на африканскихъ, американскихъ, австралійскихъ и полинезійскихъ берегахъ, Англія впервые вступала на тотъ путь экономическаго развитія, по которому она пришла къ современному наружмону блеску односторонней культуры; въ этихъ сношеніяхъ впервые вырабатывался будущій типъ англійскихъ торговыхъ сношеній со всѣмъ міромъ, укладывающійся въ формулу „купи дешево сырой продуктъ, переработай его въ произведеніе промышленности и возврати первоначальнымъ производителямъ въ три-дорогую цѣну“. Такимъ-то образомъ преобладаніе на морѣ и успѣхи колонизаціонной англійской системы натолкнули ее на обращеніе къ обработывающей промышленности не для удовлетворенія собственныхъ потребностей, но для эксплоатаціи другихъ. Обогащаемая монополизированною торговлею съ Востокомъ и экономическою эксплоатаціей колоній и варваровъ-сосѣдей, споспѣшествуемая внутреннимъ миромъ подъ сѣнью свободныхъ и въ своемъ родѣ образцовыхъ учрежденій, недосягаемая для нападенія извнѣ, Англія на-

чала быстро развивать свою матеріальную и духовную культуру. Уже въ XVII стол. англійскій геній поставилъ свое отечество во главѣ европейскаго прогресса и съ тѣхъ поръ это почетное мѣсто, какъ въ области умственной, такъ и матеріальной культуры никогда не было потеряно островитянами Британіи. Но это быстрое развитіе матеріальной культуры требовало, чтобы и внѣшнія отношенія соотвѣтствовали внутреннимъ, т. е. чтобы рядомъ съ быстро возраставшими успѣхами національной промышленности расширялся и сбытъ ея произведеній. Англія начинала чувствовать потребность въ обширныхъ рынкахъ, на которыхъ она могла-бы помѣстить продукты своей промышленности и закупить сырье для переработки. Европа обставлялась протекціонизмомъ, а въ началѣ XIX стол., по мысли Наполеона, установилась такъ называемая континентальная система съ цѣлью подорвать англійскую промышленность. Какъ опасно слишкомъ беззастѣнчиво эксплоатировать собственныя колоніи—показалъ Англіи примѣръ сѣверо-американскихъ колоній, отложившихся отъ метрополіи вслѣдствіе этой чрезмѣрной экономической эксплоатаціи. Въ такомъ положеніи, видя передъ собой запертыми европейскіе рынки, потерявъ главный колоніальный рынокъ, англійская промышленность обратила свои взоры на Востокъ. Доселѣ она пріобрѣтала владѣнія въ Индіи съ цѣлью монополизировать въ пользу своихъ купцовъ торговлю индійскими произведеніями, теперь она должна была позаботиться о помѣщеніи своихъ собственныхъ произведеній подъ угрозою сильнаго торгово-промышленнаго кризиса, который въ ту трудную для Англіи годину

могъ стать роковымъ. Для прежней цѣли было довольно господствовать надъ прибрежьями; теперь надо было открыть внутренніе рынки. Послѣ, Англія поняла, что для этого вовсе не необходимо политическое завоеваніе страны, но тогда еще она жила старыми традиціями того времени, когда для *монополизаціи* торговли дѣйствительно было нужно политическое господство. Слѣдуя этимъ традиціямъ, Англія предприняла рядъ завоеваній во внутренней Индіи, и первая четверть настоящаго столѣтія рѣшила участь Индостана. Онъ былъ покоренъ и рынокъ въ 250.000,000 потребителей былъ открытъ для англійской промышленности и торговли. Совпадающія съ этими событіями великія изобрѣтенія Уайта, Аркрайта и др., примѣнившихъ паръ и механическій двигатель къ мануфактурной и вообще обрабатывающей промышленности, двинули эту промышленность такъ быстро впередъ, что, какъ ни великъ былъ индостанскій рынокъ, британская промышленность оказалась въ силахъ удовлетворить его запросамъ, замѣнивъ прежніе предметы потребленія новыми, англійскаго издѣлія. Тысячелѣтія жила Индія культурною жизнью, переживая не разъ эпохи упадка и процвѣтанія, силы и слабости, но черезъ всю эту исторію она пронесла нетронутою свою, въ своемъ родѣ замѣчательную, матеріальную культуру. Она не только кормилась собственною пищею, но и прочіе предметы потребленія она производила сама. Она одѣвалась въ собственныя ткани, которыя своею красотою и добротностью славились далеко за предѣлами остъ-индскаго полуострова и вывозились въ страны Востока и Запада. Равнымъ образомъ, металлическія издѣлія, глиняная

посуда, издѣлія изъ дерева, предметы роскоши и украшенія, предметы искуства и т. д., все это производилось самою Индіею для собственныхъ потребностей, а частью и вывозилось. Милліоны кустарей-ремесленниковъ были заняты работою надъ этими производствами и снабжали сотни милліоновъ своихъ соотечественниковъ необходимыми предметами потребленія. Въ Индіи, какъ извѣстно, занятія наслѣдственны и тысячи кастъ распредѣляютъ между собою разныя самыя мелкія спеціальности. Тысячелѣтняя исторія освятила это дѣленіе и приспособила, въ силу закона наслѣдственности, каждую касту къ ея спеціальнымъ занятіямъ. На такія же касты дробился и многомилліонный контингентъ кустарей, занимавшихся обрабатывающею промышленностью. Но вотъ вторглись на индійскій рынокъ англійскіе продукты. Машинное производство, примѣненіе пара, усовершенствованные способы химическіе и механическіе, — все это понизило цѣну англійскаго товара до размѣра, по которому индостанскіе кустари не могли уже производить свои предметы. Англійскій товаръ началъ быстро вытѣснять туземный; дешевизна была въ его пользу. На Индію обрушился ужасный безпримѣрный кризисъ; особенно жестокъ и пагубенъ онъ былъ для касты ткачей. Эта нѣкогда богатая, процвѣтающая каста, одѣвавшая въ свои произведенія не только 250 милліоновъ своихъ соотечественниковъ, но и высылавшая ихъ за предѣлы Индостана, считала въ своей средѣ нѣсколько милліоновъ членовъ. На нее первую обрушилось новое отношеніе рынковъ Англіи и Востока; англійскія ткани, внезапно и въ самой метрополіи удешевленныя

изобрѣтеніями Уайта и Аркрайта, нахлынули въ Индостанъ и, понизивъ сильно цѣны на мануфактуры, сразу оставили всю касту безъ работы и хлѣба. Ужасно это выговорить, но это фактъ, записанный въ лѣтописяхъ исторіи: каста ткачей умерла съ голоду. Это было въ началѣ XIX вѣка. Весь міръ (и сама Англія) содрогнулся отъ этого мора волею англійской торговли, отъ этого истребленія голодомъ въ теченіе полугода нѣсколько милліоновъ недавно богатыхъ, трудолюбивыхъ и искусныхъ кустарей-ремесленниковъ. Трагическая судьба индійскихъ ткачей слишкомъ громка, слишкомъ ужасно рельефна, но она была только началомъ. Въ такихъ размѣрахъ, правда, бѣдствіе больше не разражалось, но каждое новое удешевленіе различныхъ продуктовъ англійскаго производства, удешевленіе, создаваемое быстрыми усовершенствованіями, подрывало шагъ за шагомъ то одно, то другое туземное производство и не такъ эффектно, но не менѣе вѣрно истребляло касту за кастой. Такимъ то путемъ весьма быстро вслѣдъ за политическимъ подчиненіемъ Индостана, послѣдовало его полное экономическое порабощеніе. Четверть-милліарда жителей индо-британской Имперіи стали одѣваться въ англійскія ткани, ѣсть изъ англійской посуды, рѣзать англійскими ножами, охотиться англійскими ружьями, пилить англійскими пилами и т. д. и т. д. и все это получать на англійскихъ-же корабляхъ!

Значеніе индійскаго рынка для Англіи этимъ выясняется само собою. На индійскомъ рынкѣ англичане закупаютъ хлопокъ, шелкъ-сырецъ, и др. сырье, все это перевозятъ на родину на англійскихъ судахъ, у

себя дома перерабатываютъ въ предметы потребленія и возвращаютъ Индіи. Такимъ образомъ, Индія содержитъ весь тотъ англійскій коммерческій флотъ, который возитъ эти предметы взадъ и впередъ; она содержитъ тѣ милліоны британскихъ рабочихъ, которые работаютъ на англійскихъ фабрикахъ надъ предметами индійскаго потребленія; и она-же выплачиваетъ (пополамъ съ этими англійскими рабочими) прибыль англійскимъ фабрикантамъ, негоціантамъ, арматорамъ. Во что все это обходится Индіи и сколько получаетъ Англія изъ своихъ индійскихъ владѣній—можно себѣ составить нѣкоторое понятіе и изъ этого бѣглаго очерка. Правда, содержа нѣсколько милліоновъ англійскихъ рабочихъ и матросовъ, Индія, взамѣнъ того, перестала содержать тѣ милліоны своихъ соотечественниковъ, былыхъ кустарей-ремесленниковъ, которые вымерли съ голоду... Кислое утѣшеніе!..

Покоривъ индійскій рынокъ, Англія не могла на этомъ остановиться, такъ какъ съ размноженіемъ населенія британскаго острова, съ быстрымъ умноженіемъ капиталовъ и съ столь же быстрымъ прогрессомъ усовершенствованій производство продолжало свой ростъ. Индійскій рынокъ оказался уже тѣсенъ; Англія начала систематически расширять его. Турецкое господство стерло въ странахъ Леванта слѣды прежней культуры, которая способна была бы дать нѣкоторый отпоръ англійскому товару; договоры-же съ Турціей, заключенные частью ранѣе, частью-же въ XIX ст., открыли свободный доступъ англійской торговлѣ и скоро Англія могла уже считать тридцатимилліонное царство османовъ своею экономическою данницею, сво-

имъ рынкомъ. Отсюда уже, съ начала XIX ст., политика систематическаго охраненія оттоманскаго господства, какъ наиболѣе благопріятнаго для поддержанія въ странѣ экономической отсталости. Уже въ 1828—29 гг. Англія обнаружила ту-же политику, которая въ 1853 г. привела къ первой восточной войнѣ, а затѣмъ еще недавно грозила новой войною въ 1878 г. Но объ этомъ я буду подробнѣе говорить въ одной изъ послѣдующихъ главъ, а теперь будетъ довольно указать на тотъ важный фактъ, что примѣръ экономическаго покоренія левантскаго рынка, безъ покоренія политическаго, могъ многое выяснить англійскому правительству. Онъ могъ показать и доказать, что для экономическаго порабощенія и эксплоатаціи вовсе нѣтъ надобности въ политическомъ подчиненіи страны. Варварскія и полуварварскія правительства, въ соединеніи со свободою торговли (читай: свободой эксплоатаціи), лучше обезпечиваютъ экономическое порабощеніе, нежели завоеваніе, такъ какъ надежнѣе увѣковѣчиваютъ культурную и экономическую отсталость.

Дѣйствительно, во второй четверти нашего столѣтія замѣчается поворотъ въ англійской колоніальной и восточной политикѣ. Если съ одной стороны, мы еще и замѣчаемъ старыя традиціи, выразившіяся въ довершеніи покоренія Индостана, въ попыткѣ покоренія Афганистана и въ разныхъ другихъ присоединеніяхъ, то съ другой стороны, выступаетъ впервые и политика принудительнаго открыванія рынковъ безъ завоеванія. За это время Англія силой оружія открываетъ рынки Японіи, Китая, Персіи, Бирмана, Сіама, но экономи-

ческое покореніе этихъ рынковъ оказалось далеко не одинаково легко. Если и не трудно было захватить рынки Персіи, индо-китайскихъ государствъ, Афганистана, то совсѣмъ иначе дѣло оказалось въ Китаѣ и Японіи, гдѣ старая культура вступила въ борьбу съ пришлецами. Особенно сомнительною оказывается борьба въ Японіи, гдѣ туземная цивилизація начала быстро входить въ общеніе и сближеніе съ европейскою и обѣщаетъ здоровый прогрессъ. Что касается Срединной Имперіи, то хотя впервые англичане принудили китайцевъ открыть торговыя сношенія еще въ сороковыхъ годахъ, но только со второй китайской войны, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, китайскій рынокъ съ своими 400,000,000 потребителями дѣйствительно открылся для англійской промышленности. Рынокъ этотъ уже и теперь пріобрѣлъ для англичанъ серьезное значеніе, но конечно далеко не въ такой мѣрѣ, въ какой, это могло-бы случиться, если бы удалось и тутъ, какъ въ Индіи, уморить съ голоду десятки милліоновъ кустарей-ремесленниковъ, замѣнивъ всѣ ихъ произведенія англійскимъ товаромъ; но удастся-ли это—покажетъ будущее. Наконецъ, въ 60 годахъ проникли англійскіе товары въ Среднюю Азію черезъ Кашмиръ, такъ что и эта страна уже числится въ спискѣ англійскихъ рынковъ на Востокѣ. А что значитъ для Англіи рынокъ,—я болѣе подробно пояснилъ на примѣрѣ Индіи, этого пока главнаго рынка англійской индустріи; въ меньшемъ размѣрѣ, но тѣ-же соображенія примѣнимы и ко всѣмъ остальнымъ „рынкамъ“.

Весь непокоренный европейцами Востокъ представляется для Англіи какою-то особою системою „рынковъ“, обязанныхъ содержать тотъ—столько-то милліоновъ англичанъ, другой—столько сотенъ тысячъ, а этотъ третій—даже просто нѣсколько тысячъ, а всѣ въ совокупности обязаны доставить англичанамъ средства для англійскаго комфорта.

Извѣстно, что Англія добываетъ у себя, на своей почвѣ, продуктовъ далеко менѣе, нежели необходимо для прокормленія ея населенія, но тѣмъ не менѣе это населеніе кое-какъ прокармливается, а культурные классы живутъ въ такомъ богатствѣ и окружены такимъ комфортомъ, какъ нигдѣ въ мірѣ. Обиліе капиталовъ въ Англіи изумительное, не смотря на роскошную жизнь ея культурныхъ классовъ, не смотря на громадныя затраты на украшенія страны. Откуда все это? Все это разница между покупною цѣною сыраго продукта на иностранныхъ рынкахъ и цѣною обработаннаго продукта, возвращаемаго его производителямъ, а главная часть этихъ рынковъ именуется Востокомъ. Востокъ кормитъ милліоны англійскаго населенія, Востокъ доставляетъ ежегодно громадныя средства, проживаемыя англичанами средняго и высшаго класса и на которыя они обставляютъ себя такимъ блескомъ и комфортомъ.

Однако, корень этого эльдорадо лежитъ въ экономической отсталости Востока. Повидимому, англичане это понимаютъ. Отсюда ихъ охранительная политика на Востокѣ, заключающаяся въ сопротивленіи всякому расширенію европейскаго господства, всякому возник-

новенію какого-либо новаго даже восточнаго могущества, всякому освобожденію способныхъ къ культурѣ и прогрессу племенъ. Конечно, первая сторона задачи представляется для Англіи наиболѣе важною и тутъ она ревниво бережетъ Востокъ.

ГЛАВА III.

Еще объ Англіи на востокѣ.

Resumé англійскихъ восточныхъ интересовъ.—Чѣмъ они обезпечиваются? Что имъ угрожаетъ?—Опредѣленіе англійской восточной политики.—Значеніе ея для Востока.—Значеніе ея для самой Англіи.—Заключеніе объ Англіи.

Въ прошлой главѣ я указалъ на главные моменты въ исторіи англійскихъ восточныхъ отношеній, на штандпункты англійскихъ восточныхъ интересовъ. Сохраненіе и расширеніе рынковъ англійской вывозной торговли,—такова руководящая нить англійскихъ восточныхъ интересовъ. Производя громадное количество издѣлій промышленности, совершенно не соотвѣтствующее собственной потребности, прокармливая милліоны своихъ рабочихъ, обогащая свои средніе классы и содержа свой громадный коммерческій флотъ сбытомъ этихъ издѣлій на рынкахъ Востока и закупкою сырья на этихъ рынкахъ для обработки,—Англія самымъ жизненнымъ образомъ заинтересована въ охраненіи этихъ рынковъ, въ ихъ удержаніи за англійскою торговлею. А постоянно расширяя свое производство—она не менѣе жизненно заинтересована въ возможности расширенія сбыта, въ открытіи новыхъ и окончательномъ

завоеваніи прежнихъ рынковъ. Мы видѣли, что именно въ этомъ направленіи развивалась англійская восточная политика въ XVII—XIX вв. Рядомъ войнъ съ европейскими державами (Россіей, Франціей, Голландіей) Англія старалась предохранить уже добытые рынки; рядомъ войнъ съ восточныти державами (Персіей, индусскими и индо-китайскими государствами, афганцами, Кашмиромъ, Китаемъ, Японіей, африканскими племенами и т. д.), она открывала себѣ новые рынки. Такова ея политика, опредѣляемая въ высшей инстанціи интересами ея промышленности и торговли. Но чтобы выяснить себѣ детали этой политики, ея выраженіе въ исторіи нашего вѣка, необходимо разсмотрѣть обстоятельнѣе ряды историческихъ силъ и теченій, содѣйствующихъ и противодѣйствующихъ задачамъ англійской восточной политики. Это я и постараюсь сдѣлать теперь.

Задача эта—обезпечить сбытъ издѣліямъ англійской промышленности на рынкахъ Востока, иначе говоря, заставлять жителей этого Востока потреблять англійскіе товары, привозимые на англійскихъ корабляхъ, одѣваться въ англійскія ткани, сражаться англійскимъ оружіемъ, щеголять англійскими украшеніями, работать англійскими инструментами, ѣсть изъ англійской посуды и т. д. Что нужно для того, чтобы обезпечить это полное господство англійской промышленности? Прежде всего, конечно, необходимо имѣть право ввозить товары на рынокъ, необходимо, чтобы это право было осуществлено безъ затрудненій и въ полной безопасности, словомъ — право свободной торговли и страхъ передъ англичанами, строго и безпощадно ка-

рающими за малѣйшее нарушеніе этой свободы. Этого Англія достигаетъ силою оружія, которое заставляетъ варварскія правительства Востока уважать и бояться царицу морей и волею-неволею предоставлять ея сынамъ совершенную свободу торговать и эксплоатировать своихъ подданныхъ. Но такимъ путемъ добывается только „право“ на свободную эксплоатацію жителей той или другой страны Востока. Право это, однако, нужно осуществить, а осуществимо оно лишь при извѣстныхъ условіяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній страны—условіяхъ, которыя такимъ образомъ и являются истиннымъ обезпеченіемъ господства на рынкахъ, а слѣдовательно, и должны быть главнымъ предметомъ заботливой англійской политики. Первымъ, конечно, условіемъ является состояніе мѣстной туземной обрабатывающей промышленности. Это состояніе должно быть настолько несовершенно, чтобы издѣлія туземной промышленности не могли ни въ какомъ случаѣ конкуррировать съ англійскими товарами. Громадные успѣхи машиннаго производства, въ связи съ примѣненіемъ пара и другими техническими усовершенствованіями, позволяютъ англичанамъ производить товары по такой цѣнѣ, по которой ремесленники Востока, конечно, не могутъ. Поэтому, отсутствіе мѣстныхъ капиталовъ для затраты на мѣстное фабричное производство и неумѣніе воспользоваться ими, если бы и были, ведетъ повсюду на Востокѣ къ тому, что конкурренція туземнаго производства нигдѣ не опасна Англіи, и британскіе товары нуждаются только въ одномъ—въ возможности свободно и безопасно проникнуть на восточный рынокъ, чтобы вслѣдъ за тѣмъ по-

дорвать мѣстное производство и замѣнить его продукты издѣліями собственной промышленности. Конечно, дѣлается это не сразу, нужно приноровиться къ потребностямъ и вкусамъ новаго рынка, но англичане уже привыкли къ этому приспособленію и достигаютъ его довольно скоро. Такимъ образомъ, первымъ условіемъ успѣховъ англійской восточной политики является экономическая и культурная отсталость странъ, составляющихъ колекцію британскихъ рынковъ. Эта же экономическая и культурная отсталость, т. е., по просту, бѣдность и невѣжество, надежнѣе всего обезпечивается существованіемъ варварскихъ и деспотическихъ правительствъ настоящаго Востока. Эти правительства достаточно слабы, чтобы дрожать передъ Англіею и чтобы Англія могла во всякую минуту принудить ихъ уважать свободу торговли; эти правительства достаточно тяжелы для своихъ народовъ, чтобы мѣшать всякому прогрессу и гарантировать англичанамъ экономическую и культурную отсталость многочисленныхъ населеній, предназначенныхъ потреблять англійскіе товары и содержать англійскій комфортъ и блескъ.

Но не одна туземная промышленность можетъ явиться конкуррентомъ англійской на восточныхъ рынкахъ. Гораздо опаснѣе промышленность другихъ европейскихъ государствъ; такъ дѣйствительно было, пока Англія своею прежнею монопольною торговою политикою не обезпечила полное первенство за своею промышленностью. Въ настоящее же время, при изумительномъ обиліи капиталовъ въ Англіи, довольствующихся самыми сравнительно небольшими процентами, при громадныхъ уже затраченныхъ капиталахъ въ

формѣ готовыхъ фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ, коммерческаго флота и т. д., при замѣчательной энергіи и искуствѣ англійскихъ предпринимателей, Англія не особенно опасается конкурренціи другихъ націй, лишь бы условія ихъ торговли не были болѣе благопріятны, нежели ея условія. При равныхъ же условіяхъ англичане могутъ безбоязненно встрѣчать конкурренцію. Старая опытность, умѣніе приспособляться къ потребностямъ и вкусамъ восточныхъ населеній, въ связи съ вышеуказаннымъ превосходствомъ англійской экономической культуры,—доставили бы имъ все таки всѣ шансы къ торжеству при конкурренціи даже на „равныхъ“ условіяхъ. Вдобавокъ, почти нигдѣ этихъ равныхъ условій не существуетъ; всюду англичане имѣютъ преимущество. Во первыхъ, потому, что они имѣютъ всюду собственныя колоніи, какъ складочные пункты, исходные пункты, а часто даже и мѣсто торговли съ сосѣдними странами. Во вторыхъ, они обезпечили всюду цѣлымъ рядомъ войнъ безопасность своимъ купцамъ и товарамъ; другія націи должны еще это обезпечить, такъ какъ мало заключить договоръ съ варварскимъ правительствомъ о свободѣ торговли, нужно заставить его уважать, а для этого опять таки необходимо имѣть опорные пункты въ видѣ колоній и колоніальныхъ войскъ, нужно имѣть достаточно грозный флотъ. Въ третьихъ, англичане всюду „уже“ проникли, другимъ націямъ нужно еще проникать и т. д.

Одно, чего англичане могутъ опасаться,—это созданія для другихъ націй болѣе благопріятныхъ условій на извѣстномъ азіатскомъ рынкѣ, что можетъ, на-

примѣръ, произойти при завоеваніи рынка европейскою державой, которая можетъ установить ввозныя пошлины на иностранные товары, или наприм., при проложеніи какою-либо націею болѣе короткаго или болѣе дешеваго пути на рынокъ, пути, который былъ бы недоступенъ англичанамъ. Вообще, охраненіе добытыхъ преимуществъ сравнительно съ другими націями и противодѣйствіе пріобрѣтенію подобнаго преимущества кѣмъ либо, кромѣ Англіи, — такова эта часть задачи англійской политики.

Сводя нынѣ рядъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ для цѣлей англійской восточной политики условій, получимъ приблизительно слѣдующій списокъ:

свобода торговли на восточныхъ рынкахъ, т. е. безпошлинность и совершенная безопасность. То и другое обезпечивается силою оружія; посему:

сохраненіе превосходства этой силы, обезпечиваемое господствомъ на морѣ, обширною колоніальною системою съ широкимъ распространеніемъ повсюду колоніальныхъ войскъ и слабостью восточныхъ правительствъ;

экономическая и культурная отсталость восточныхъ націй, называемыхъ по англійски „рынками“, а эта отсталость обезпечивается надолго господствомъ варварскихъ правительствъ;

сохраненіе передъ европейскими конкуррентами преимуществъ, даваемыхъ господствомъ на морѣ, колоніальною системою и обаяніемъ англійскаго имени на Востокѣ;

противодѣйствіе всякому такому шагу европейской державы, который бы могъ создавать въ ущербъ ан-

гличанамъ какое-либо преимущество для сбыта неанглійскихъ товаровъ.

Таковы естественные и нормальные штандпункты англійской восточной политики, вытекающіе изъ разсмотрѣнія силъ и элементовъ, содѣйствующихъ и противодѣйствующихъ распространенію англійскихъ издѣлій на восточныхъ рынкахъ.

Въ этомъ обзорѣ задачъ англійской восточной политики сами собой намѣтились и средства, заключающіяся въ поддержаніи варварскихъ правительствъ Востока, какъ представляющихъ гарантію слабости передъ Англіею и гарантію экономической и культурной отсталости, но главнымъ образомъ въ сохраненіи того преимущества, которое дается Англіи передъ Азіей и Европою (если бы сія послѣдняя пожелала войти въ союзъ съ первой) и безспорнымъ господствомъ на морѣ и колоніальною системою, раскинувшею свои сѣти вокругъ всего Востока съ Индо-британскою имперіей въ центрѣ. При англійскомъ господствѣ на морѣ ни одно восточное государство не можетъ разсчитывать на какую-либо помощь изъ Европы противъ Англіи, не можетъ бравировать Англію въ надеждѣ на европейскія дѣла и отношенія. Каковы бы ни были эти отношенія въ Европѣ, восточныя государства не могутъ получить отсюда помощи и всегда будутъ задавлены Англіей, господствующей на морѣ и обладающей на самомъ Востокѣ значительными военными силами въ колоніяхъ и вполнѣ грознымъ могуществомъ въ Индостанѣ. Такимъ образомъ, господство на морѣ, обезпечивающее за Англіей возможность безпрепятственной торговли въ случаѣ европейской войны, даже въ случаѣ евро-

*

пейской коалиціи, вмѣстѣ съ тѣмъ отдаетъ во власть Англіи весь Востокъ. Тоже и объ Индостанѣ.

Являясь важнѣйшимъ и самымъ прибыльнымъ восточнымъ рынкомъ Англіи, Индо-британія вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваетъ политическое вліяніе на Востокѣ, а слѣдовательно и обладаніе остальными восточными рынками.

Господство на морѣ и господство въ Индіи,—этими двумя терминами можетъ быть вкратцѣ резюмировано все то, что необходимо сохранить англичанамъ для экономическаго господства на восточныхъ рынкахъ. Оба эти фактора англійскаго владычества на Востокѣ создали своимъ вѣковымъ существованіемъ третій, не менѣе важный: обаяніе англійскаго имени, боязнь предъ несокрушимою силою Британіи. Этотъ англійскій „престижъ“ на Востокѣ сдерживаетъ варварскія правительства отъ постоянныхъ попытокъ нарушать торговые договоры, т. е. избавляетъ англичанъ отъ необходимости постоянно съизнова добывать уже добытое. А всѣ три основы англійскаго господства на Востокѣ (флотъ, Индія, престижъ) служатъ уже для экономическаго порабощенія Востока двумя способами: или политическимъ завоеваніемъ (Индостанъ, часть Индо-Китая, Келатъ, Малакка и т. д.), или сохраненіемъ варварскихъ правительствъ, и съ ними политической слабости страны, экономической и культурной отсталости, въ соединеніи съ свободой торговли.

Таково краткое резюме задачъ и средствъ англійской восточной политики. Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на тѣ послѣдствія, которыя создала трехсотлѣтняя колоніальная и торговая политика Англіи какъ

на Востокѣ, такъ и у себя на британскомъ островѣ. Долго останавливаться на этомъ вопросѣ здѣсь не мѣсто, но указать на главное направленіе историческаго движенія, создаваемаго англійскимъ дѣйствіемъ — не мѣшаетъ.

Англія застала Востокъ на полномъ ходу къ упадку. Объ этомъ періодически повторяющемся процессѣ восточнаго историческаго движенія, объ этомъ предопредѣленномъ (мѣстными историческими условіями) циклизмѣ восточной исторіи я говорилъ уже въ первой главѣ. Тамъ-же я указалъ, что послѣднее появленіе Запада на Востокѣ совпало съ періодомъ склоненія восточныхъ политическихъ тѣлъ, упадка восточныхъ культуръ, вырожденія господствующихъ расъ. Повсюду приближалась пора обновленія восточной исторіи новыми расами. Но этотъ процессъ обновленія былъ остановленъ могуществомъ Запада, который воздвигся противъ политическихъ перемѣнъ на Востокѣ. Представителемъ Запада и тутъ, какъ и въ экономическихъ отношеніяхъ, явилась, главнымъ образомъ, Англія; она возстала противъ перемѣнъ; ей былъ выгоденъ настоящій строй восточныхъ отношеній. Такимъ образомъ, она, въ соединеніи съ Россіей (о чемъ рѣчь впереди), остановила процессъ обновленія Востока чрезъ возрожденіе варварства и низверженіе старыхъ восточныхъ культуръ. Но, удерживая сверхъ срока старыя выродившіяся культурныя расы во главѣ политическихъ полумертвыхъ тѣлъ Азіи, Англія вмѣстѣ съ тѣмъ наноситъ тяжкіе удары старымъ культурамъ, болѣе тяжкіе, чѣмъ то можетъ сдѣлать какое угодно нашествіе варварской орды. Орда истребитъ господствующіе классы,

выжжетъ культурныя земли, разрушитъ города, но затѣмъ, основавшись на дымящихся, залитыхъ кровью развалинахъ былой культуры, она сама потребуетъ себѣ не только хлѣба, но и одежды, оружія, посуды, украшеній и т. д., а покоренная культура начнетъ постепенно свой процессъ возрожденія. Англія же, разгромивъ силою оружія правительство восточнаго государства, оставляетъ его при власти, но затѣмъ уничтожаетъ совершенно мѣстную промышленность и разрушаетъ до основанія все зданіе древней матеріальной культуры, не оставляя даже зародыша для новаго развитія. Всѣ старые культуры Востока клонились уже къ упадку въ теченіи послѣднихъ двухъ-сотъ лѣтъ; всѣ они ждали только удара извнѣ, какого нибудь нашествія, чтобы рухнуть и уступить мѣсто новымъ историческимъ комбинаціямъ. Эта внѣшняя сила пришла на этотъ разъ не изъ нѣдръ самого Востока, какъ прежде, а съ Запада: тяжкіе политическіе удары нанесла она Востоку, но въ покореніи его остановилась. Эта сила, вмѣсто того, чтобы послѣднимъ ударомъ довершить паденіе, пріуготованное всею предъидущею исторіею государствъ Востока, сдѣлала нѣчто совершенно новое; она одною рукою валила на землю, а другою поднимала и ставила на прежнее мѣсто, да еще заказала и всѣмъ касаться этихъ политическихъ труповъ. Но это только повидимому; въ сущности же начался процессъ полной руины старыхъ восточныхъ культуръ, руины, изъ которой нельзя уже будетъ подняться старымъ, тысячелѣтіями освященнымъ путемъ. Нужны новые пути, нуженъ прогрессъ вмѣсто заколдованнаго циклизма, нужна наука вмѣсто фанатическихъ вѣрова-

ній, нужна гражданская жизнь вмѣсто деспотизма. Объ этомъ я уже говорилъ въ первой главѣ; теперь же я хотѣлъ только указать, какимъ путемъ англійская восточная политика вѣрнѣе всякаго нашествія подрываетъ старыя культуры въ то время, какъ охраненіемъ политическихъ status quo препятствуетъ возникновенію новыхъ культуръ или обновленію старыхъ новымъ прогрессивнымъ духомъ. Status quo Востока, т. е. status quo деспотизма, невѣжества, фанатизма, бѣдности и культурной отсталости, дѣлаетъ невозможнымъ пріобщеніе восточныхъ населеній къ европейской исторіи, мѣшаетъ прогрессу этихъ странъ, но съ другой стороны возрожденіе самобытныхъ восточныхъ культуръ становится невозможнымъ, какъ вслѣдствіе вырожденія господствующихъ классовъ, охраняемыхъ Англіей отъ замѣны новыми, такъ и вслѣдствіе руины матеріальной культуры торговою политикою Англіи. Таково положеніе, создаваемое для Востока англійскою восточною политикою, которая, съ одной стороны, въ корень разлагая старыя культуры, дѣлаетъ невозможнымъ всякій другой выходъ, кромѣ пріобщенія къ прогрессивной цивилизаціи, а съ другой полагаетъ препятствіе этому исходу охраненіемъ status quo, недопускающаго прогресса.

Положеніе Востока, создаваемое этою политикою, весьма трагично, но не менѣе трагично оно и для Англіи. Трехсотлѣтняя торговая политика руководителей Британіи привела ее къ тому, что она живетъ и богатѣетъ не на собственный счетъ. Для того, чтобы продолжать свою жизнь въ этомъ видѣ, въ какомъ она сложилась въ наше время, Англія должна самымъ безпо-

щаднымъ образомъ эксплоатировать болѣе слабыя націи всѣхъ пяти частей свѣта. И все это зависитъ отъ господства на морѣ, отъ господства въ Индіи. Пошатнулось первое, поколебалось второе, — и Англія, эта богатая, просвѣщенная Англія, гордость и слава современнаго человѣчества, — безъ куска хлѣба, полный банкротъ. Англійская торговая политика не обогатила народной массы, которая находится въ состояніи пролетаріата, не однажды описанномъ со всѣми ужасами, бѣдствіями, нищетою и необезпеченностью, не однажды выставленномъ гуманистами для поученія „культурнаго“ міра. Но если народная масса Англіи не обогатилась отъ восточной и колоніальной политики Сен-Джемскихъ „кабинетовъ“, то это уже никакъ нельзя сказать про средніе и высшіе классы націи. Громадныя богатства стекались и стекаются въ сундуки этихъ классовъ со всѣхъ странъ свѣта, гдѣ только полощется въ морѣ англійскій корабль и развѣвается по вѣтру англійскій флагъ. А куда не проникъ этотъ корабль? и гдѣ не видѣли еще этого флага? Средніе и высшіе классы разбогатѣли и продолжаютъ богатѣть отъ англійской торговой политики. Это продолжаетъ съ каждымъ днемъ все шире и шире раздвигать пропасть между массою англійскаго пролетаріата и этимъ élite англійской націи, поражающимъ міръ невиданнымъ еще контрастомъ бѣдствій пауперизма съ роскошью, блескомъ, комфортомъ среднихъ и высшихъ классовъ, совершенно недоступными даже самой богатой изъ континентальныхъ—французской буржуазіи, не говоря о другихъ. Этотъ контрастъ не есть только послѣдствіе торговой политики; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ является ея

агентомъ, однимъ изъ производящихъ ее элементовъ. Переводя этотъ контрастъ на языкъ политической экономіи мы должны будемъ сказать: Англійская нація для удовлетворенія своихъ потребностей выноситъ ежедневно извѣстную покупательную силу, выражаемую столькими-то милліонами фунтовъ стерлинговъ, но эта покупательная сила распредѣлена далеко не равномѣрно между ея обладателями. Громадное большинство выноситъ лишь столько (и то не всегда), сколько необходимо для пропитанія, прикрытія себя какою либо кровлею, какою либо одеждою. Другая же часть націи, меньшинство, èlite, культурные классы (зовите ее какъ хотите), выноситъ на рынокъ ежедневно громадную покупательную силу, направляемую для удовлетворенія потребностей комфорта, наклонностей къ роскоши и блеску, прихотей и т. д. Рынокъ долженъ доставить такимъ образомъ, предметовъ первыхъ потребностей на сумму, положимъ, равную 3 №, а предметовъ роскоши на сумму 2 №, всего значитъ спросъ на сумму 5 №; но сама Англія могла бы у себя дома, никого не эксплоатируя, произвести всего 4 №. Гдѣ взять пятый №? Его берутъ двоякимъ путемъ: во первыхъ, стараются его выжать посредствомъ торговли съ остальными націями, а во вторыхъ, что не хватаетъ, берутъ изъ тѣхъ трехъ №, которые спрашиваются первыми потребностями, т. е. пролетаріатомъ. Словомъ, если въ какой либо годъ англійскій рынокъ не довыручитъ до 5№№ для удовлетворенія заявленнаго въ такомъ размѣрѣ спроса, то эта недовыручка прежде всего раскладывается не на потребностяхъ комфорта и роскоши, а на первыхъ потребностяхъ. Это и понятно: недовыручка для

англичанъ значитъ недосбытъ, т. е. кризисъ извѣст-ной отрасли промышленности, оставляющій извѣстное количество рабочихъ безъ работы или понижающій заработную плату.

Но этого мало. Необходимость выручить лишній № влечетъ фатально англичанъ не только къ удержанію status quo, но и къ новымъ экономическимъ завоеваніямъ для лучшаго обезпеченія сбыта; а это расширеніе экономическаго господства вызываетъ въ свою очередь увеличеніе производства, прибавляетъ еще новый камешекъ къ этой вавилонской башнѣ англійской культуры, которая, чтобы держаться, должна давить какъ своихъ строителей, англійскихъ рабочихъ, такъ и доставляющія средства для постройки населенія восточныхъ странъ. Но, поднимаясь выше и выше, вся сложенная изъ взгроможденныхъ въ теченіи столѣтій камешковъ, безъ заранѣе обдуманнаго плана и симметріи эта новая вавилонская башня должна же когда-нибудь и пошатнуться. Что она погребетъ подъ своими исполинскими развалинами? Будетъ ли это только односторонность англійской культуры, или сама эта заслуженная и великая культура, которой Европа и все человѣчество такъ много обязаны?

Чтобы нагляднѣе показать, насколько именно распредѣленіе покупательной силы въ Англіи вызываетъ необходимость цѣпко держаться старой торговой политики, я представлю читателямъ маленькую гипотезу. Мы предположили, что весь ежедневный спросъ Англіи на собственномъ рынкѣ равняется 5 №№, изъ которыхъ только четыре покрываются собственнымъ доходомъ и только три соотвѣтствуютъ первымъ по-

требностямъ, 2 идутъ на предметы роскоши и комфорта, причемъ одинъ № (изъ этихъ двухъ) извлекается эксплуатаціей заграничныхъ рынковъ, а въ случаѣ недобора пополняется сокращеніемъ тѣхъ 3 №, которые идутъ на первыя потребности. Таково современное положеніе при неравномѣрномъ распредѣленіи покупательной силы; предположимъ теперь, что покупательная сила распредѣлена равномѣрно. Является-ли тогда необходимость эксплуатаціи чуждыхъ націй? Конечно, эксплуатація и при этихъ условіяхъ, возможна, такъ же какъ и стремленіе къ ней, но во первыхъ, она является вовсе не повелительною необходимостью, и ея сокращеніе не произведетъ ничего трагическаго. Немного съузится комфортъ всѣхъ одинаково, вотъ и все. Впрочемъ, далеко не все: главное произойдетъ во внутреннихъ отношеніяхъ производствъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите что произойдетъ. Если теперь первыя потребности спрашиваютъ предметы потребленія въ размѣрѣ 3 №№, то это вовсе не потому, чтобы они удовлетворялись такимъ снабженіемъ, но единственно потому, что на большій спросъ нѣтъ покупательной силы. Потребности массы не удовлетворены, но распредѣлите равномѣрнѣе покупательную силу и спросъ на предметы первой необходимости поднимется. Они будутъ спрошены уже не въ размѣрѣ 3 №№, а $3^1/_2$ или даже и того больше. А что значитъ большій спросъ? Онъ означаетъ необходимость направить на это производство большую рабочую силу. Теперь эта сила занята производствомъ тканей для Индіи, тогда она занялась-бы или хлѣбомъ для англичанъ или же если и тканями, то для нихъ

же. Тоже относительно умѣреннаго комфорта. Словомъ, перераспредѣленіе покупательной силы между потребностями влечетъ за собою перераспредѣленіе рабочей силы между производствами, сообразно измѣнившемуся спросу; и кто знаетъ, были-ли бы въ Англіи лишнія руки (а слѣдовательно и лишніе желудки) при болѣе равномѣрномъ распредѣленіи покупательной силы между потребностями? Англія можетъ прокормить, по агроному Гаспарену, до 200 милліоновъ жителей при раціональной обработкѣ всей территоріи острововъ Великобританіи и Ирландіи; нынѣ же она не прокармливаетъ и 30 милліоновъ, вывозя для нихъ хлѣбъ изъ Россіи и Америки. Отчего это? А оттого, что для раціональной обработки территоріи нужны рабочія руки, нынѣ занятыя приготовленіемъ тканей для Индусовъ и посуды для Персовъ. А отчего они заняты именно этимъ? Оттого, что для жизни въ роскоши средніе и высшіе классы нуждаются въ эксплуатаціи Востока, а распредѣленіе покупательной силы на рынкѣ направляетъ и распредѣленіе рабочей силы между производствами.

И такъ, торговая политика Англіи содѣйствовала созданію въ ней того соціально-экономическаго уродства, которое выше я назвалъ новою вавилонскою башнею. Создавъ обрабатывающую промышленность, разсчитанную на потребности обширнаго Востока и приведя націю къ столь неравномѣрному распредѣленію покупательной силы между потребностями,—что остается дѣлать Англіи? Экономическое владычество на Востокѣ необходимо, чтобы блестящее снаружи, черное внутри—зданіе держалось. Англійская восточ-

ная политика такимъ путемъ фатально давитъ и Востокъ и самую Англію. Востокъ она держитъ въ невозможномъ и антипрогрессивномъ политическомъ status quo, приводя вмѣстѣ съ тѣмъ къ полной руинѣ его матеріальную культуру, закрывая ему всѣ старые пути историческаго движенія и не пуская на новый. Въ Англіи эта политика поддерживаетъ, увѣковѣчиваетъ и развиваетъ экономическій строй односторонней культуры, тотъ роковой порядокъ, который является въ самой грозной зависимости отъ дальнѣйшихъ успѣховъ англійской торговой политики и которому можетъ нанести смертельный ударъ первая серьезная неудача этой политики. Роковая коллизія историческихъ теченій полна ужаснаго трагизма...

На Востокѣ Англіи (т. е. „культурной“ Англіи) есть изъ-за чего бороться, и борьба эта не игра государственныхъ высокомудрствованій, какъ у Австріи, а ставка на карту всего современнаго строя Англіи. Ставка громадная и роковая. Въ слѣдующихъ главахъ я постараюсь указать, откуда надвигаются для англійской буржуазіи грозныя тучи, гдѣ сама она ихъ ищетъ и какъ приготовляется встрѣтить и отвѣтить?

ГЛАВА IV.

Русское движеніе на Востокъ.

Два Востока.—Ахурамазда и Ахриманъ.—Роль Ахримана въ исторіи Востока.—Вмѣшательство Ахримана въ русскую исторію и его вліяніе на Россію.—Борьба Россіи съ Востокомъ Ахримана.—Эта борьба составляетъ одну изъ главныхъ причинъ русскаго движенія на Востокъ.—Общій очеркъ движенія.

Совсѣмъ иначе, нежели Англіи и другимъ западнымъ націямъ Европы, суждено было встрѣтиться и столкнуться съ Востокомъ нашему отечеству. По своему географическому положенію и по ряду историческихъ событій, ознаменовавшихъ исторію Востока въ теченіе исторической жизни славянскаго племени, это племя было поставлено въ совершенно другія отношенія къ Востоку, нежели племена романской и германской расы и отношенія эти, начавшіяся почти съ самаго пробужденія славянскаго племени къ исторической жизни, сдѣлались роковыми для славянской исторіи, которая и доселѣ не можетъ считать себя вполнѣ эманципированною отъ историческихъ завѣщаній того Востока, съ которымъ славянству выпало на долю вступить слишкомъ рано въ борьбу. А этотъ Востокъ не совсѣмъ похожъ на тотъ другой, съ кото-

рымъ Европа вступила въ первыя сношенія еще черезъ посредство итальянскихъ республикъ среднихъ вѣковъ и за который она вела и ведетъ столько братоубійственныхъ войнъ. Тотъ старокультурный Востокъ объемлетъ собою южную грань великаго азіатскаго материка. Онъ занимаетъ четыре южно-азіатскихъ полуострова (Малая Азія, Аравія, Индостанъ, Индо-Китай) и лежащія между ними и вблизи ихъ части материка, а именно: страны семитическаго Леванта, арійскаго Ирана и монгольскаго Китая съ островами (о-ва Средиземнаго моря, Малайскій Архипелагъ, Японія и др.). Протягиваясь отъ береговъ Чернаго и Средиземнаго моря до береговъ Великаго океана, омываемыя съ трехъ сторонъ теплыми водами многочисленныхъ морей и заливовъ и ограниченныя съ сѣвера безпрерывными горными кряжами, составляющими самыя могучія возвышенія земной коры, эти страны старой азіатской культуры заключаютъ въ себѣ почти все то, что составляетъ историческую Азію. Густо населенныя, съ тысячелѣтнею исторіею и цивилизаціею, они-то въ средніе вѣка и представляли тотъ сказочный міръ Востока, который такъ былъ заманчивъ для Запада своими богатствами и чудесами своей культуры и своей природы. И за нихъ то народы запада вступили въ борьбу, которая привела въ XIX стол. къ полному торжеству Англіи, утвердившей частью политическое, частью коммерческое господство на пространствѣ всѣхъ этихъ обширныхъ территорій и надъ всѣми этими сотнями милліонновъ населеній. Объ этомъ я говорилъ въ двухъ послѣднихъ главахъ. За предѣлами этихъ странъ только немногими оазиса-

ми врѣзывалась старая азіатская культура въ глубь азіатскаго материка, громадная же часть его, въ теченіе тысячелѣтій, видѣвшихъ столько перемѣнъ и переворотовъ на историческомъ Востокѣ и бывшихъ свидѣтелями столькихъ цвѣтущихъ культуръ и столькихъ паденій, оставалась внѣ общаго историческаго теченія и не пріобщалась къ восточной цивилизаціи. Эта часть материка отдѣляется, какъ уже выше сказано, отъ культурнаго, историческаго Востока цѣпями могучихъ горъ, начиная съ Кавказа (съ его западнымъ продолженіемъ Тавромъ), продолжая Эльбурсомъ, окаймляющимъ западный Иранъ со стороны Каспійскаго моря и Туркменской пустыни, Паропамизомъ и Гинду-кушемъ, окаймляющихъ съ сѣверной стороны восточный Иранъ, Гималаемъ, составляющимъ сѣверную стѣну Индостана и кончая восточными развѣтвленіями этого послѣдняго и другихъ параллельныхъ хребтовъ, ограждающихъ собою Китай отъ монгольскихъ пустынь. На сѣверъ отъ всѣхъ этихъ хребтовъ и горныхъ столпленій лежатъ (за нѣкоторыми исключеніями) страны, рѣзко отличающіяся отъ лежащихъ къ югу. Начиная съ сѣвернаго побережья Чернаго моря и кончая Манджуріею, на берегахъ Амура, мы видимъ тутъ рядъ степей и пустынь, занимающихъ громадное пространство, большею частью значительно возвышенныхъ и мало орошенныхъ водою. На сѣверъ отъ этихъ степей лежали съ незапамятныхъ временъ сплошные вѣковые лѣса, орошенные могучими рѣками. И такъ, передъ нами три Азіи: южная культурная, степная и сѣверная лѣсистая. Послѣдняя въ исторіи Востока никакого участія не принимала до самаго послѣдняго време-

ни, но нельзя того-же сказать о степяхъ и пустыняхъ Средней Азіи. Не пріобщаясь къ исторіи культурной Азіи, народы пустынь періодически вмѣшивались въ эту исторію и производили громадные перевороты. Номады, живущіе въ патріархальномъ быту съ тѣхъ поръ, какъ ихъ помнитъ исторія, и въ теченіе не одного тысячелѣтія сохранившіе тотъ-же бытъ, тѣже потребности, идеалы и инстинкты, эти дѣти степей всегда появлялись въ исторіи Востока въ одномъ и томъ-же значеніи. Во времена процвѣтанія и могущества культурныхъ странъ Востока они упоминаются въ лѣтописяхъ единственно по набѣгамъ, которые они дѣлаютъ на пограничныя страны. Набѣги эти были явленіемъ постояннымъ и потому, конечно, заносились и описывались лѣтописями только въ случаяхъ особенныхъ, когда размѣры набѣга выходили изъ обыкновенныхъ предѣловъ и опустошеніе распространялось на громадныя пространства. Въ самыя даже цвѣтущія эпохи восточныхъ государствъ, когда они стояли въ апогеѣ своего могущества, эти набѣги не прекращались, такъ же какъ и походы армій культурныхъ націй въ глубь степей для наказанія разбойниковъ. Но если и въ эпохи процвѣтанія орды степныхъ хищниковъ безпокоили культурныя страны Востока, то въ эпохи упадка, періодически повторявшіяся на Востокѣ, эти орды являлись по истинѣ бичемъ божіимъ; они раззоряли самыя цвѣтущія страны, избивали и уводили въ неволю многочисленныя населенія и истребляли культуру, и безъ того клонившуюся къ упадку. Порою эти опустошительные и истребительные набѣги превращались въ цѣлыя на-

шествія; отдѣльныя орды сливались подъ одною властью и, движимыя фанатическою вѣрою въ звѣзду предводителя и старымъ наслѣдственнымъ хищничествомъ, стремились къ всемірному господству, т. е. къ всемірному опустошенію и одичанію. Если первые шаги этихъ всесвѣтныхъ мірокрушителей не встрѣчали надлежащаго отпора, вслѣдствіе упадка восточныхъ государствъ, то фанатизированныя орды скоро стекались подъ побѣдоносныя знамена и тогда заливали міръ кровью, истребляя и населеніе, и его матеріальную культуру мечемъ и огнемъ. Аттила, Чингизъ, Тимуръ являются представителями такихъ удавшихся мірокрушителей, распространившихъ ужасы своего „призванія“ до предѣловъ Запада и потому занесенныхъ и въ наши лѣтописи; но многое множество было другихъ мірокрушителей, которымъ не суждено было дойти до нашей части свѣта и которые тѣмъ не менѣе оставили не менѣе ужасный слѣдъ въ исторіяхъ Ирана, Индостана, Китая и особенно въ исторіи несчастныхъ культурныхъ оазисовъ, врѣзывающихся къ сѣверу отъ пограничныхъ горныхъ кряжей клиньями въ степи и пустыни номадовъ

Эта борьба между культурнымъ Востокомъ и средне-азіатскимъ кочевымъ дикаремъ проходитъ черною нитью черезъ всю исторію Азіи и составляетъ одну изъ причинъ, почему культуры Востока замкнулись въ заколдованный кругъ историческаго циклизма, о которомъ я говорилъ выше. Эта борьба нашла себѣ поэтическое выраженіе въ древнихъ легендахъ Ирана, того Ирана, которому пришлось вынести самую тяжелую борьбу съ дикарями и который теперь

лежитъ раздавленный этой борьбою, хотя и непобѣжденный. Зендъ-Авеста, этотъ древнѣйшій миѳъ арійскаго индо-европейскаго племени, олицетворяетъ эту борьбу культурныхъ народовъ Азіи съ дикарями сѣвера въ видѣ постоянной непрерывной борьбы между двумя божественными существами зла и добра. Ахура-Мазда (передѣланный греками въ Ормузда) создалъ міръ для блага человѣчества и отдалъ своему избранному народу Иранскому (по Зендъ-Авестѣ просто Арійскому, Эріэне), но явился Ахриманъ, представитель зла, и поселилъ въ это созданное Ахуромаздою „мѣсто благодати“ зиму. Ахурамазда обратилъ это твореніе зла къ добру, оплодотворивъ землю снѣговыми водами, но все же первое мѣсто благодати было испорчено и пришлось части народа выселяться. Ахурамазда создаетъ второе мѣсто благодати,—Ахриманъ и его портитъ. Ахура-Мазда частью исправляетъ, частью замѣняетъ его третьимъ и т. д. и т. д. Ахриманъ является всюду, онъ создаетъ сухость, пески пустыни, вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ, наконецъ, дикарей пустыни. Ахура-Мазда создаетъ 15 мѣстъ благодати (Согдіана, Бактріана и т. д.—Филологи въ нихъ узнали разныя страны Ирана) и всѣ они отчасти испорчены Ахриманомъ и, хотя Ахура-Мазда всюду возстановляетъ добро, но и зло, созданное Ахриманомъ, остается — и человѣчеству приходится бороться съ нимъ. Конечно, однимъ изъ самыхъ роковыхъ созданій Ахримана былъ Туранъ, т. е. дикари, кочевники. Культура Ирана побѣдила и обратила на пользу человѣчества другія бѣдствія, которыми Ахриманъ испортилъ мѣста благодати, созданныя Ахура-Маздою;

*

но это послѣднее исчадіе зла, Туранъ въ тысячелѣтней борьбѣ ниспровергъ и культуру Ирана и самъ высокій тронъ Ахура-Мазды. Азія Ахримана была всегда бичемъ Азіи Ахурамазды и тѣмъ тормазомъ, безъ котораго, быть можетъ, культурному Востоку не пришлось бы нынѣ подпасть подъ власть младшаго сына цивилизаціи, европейскаго Запада.

Говоря въ первыхъ трехъ главахъ о Востокѣ и его отношеніяхъ къ Западу, я всюду разумѣлъ культурный Востокъ, Ормуздову Азію, но не съ этой Азіею, а съ Азіею Ахримана пришлось встрѣтиться славянскимъ племенамъ восточной Европы и вынести первую въ Европѣ и, какъ оказывается, послѣднюю и окончательную борьбу за человѣческій прогрессъ и цивилизацію противъ козней Ахримана и его исчадія, дикарей-кочевниковъ, населяющихъ безпредѣльныя степи и пустыни верхней Азіи.

Въ лѣсахъ восточно-европейской низменной равнины, составляющихъ прямое продолженіе лѣсовъ сѣверо-азіатской низи и образовавшихъ непрерывную связь этихъ лѣсовъ съ такими же сплошными лѣсами Германіи, обитало во времена перваго устроенія новой Европы обширное славянское племя индо-европейской расы. Въ этихъ лѣсахъ, граничившихъ къ югу и юго-востоку со степями и пустынями Ахримановыхъ народовъ, зародилось славянское государство и съ первыхъ же шаговъ своего историческаго бытія вступило въ борьбу за культуру и прогрессъ съ жителями степей, самыми западными отпрысками великой и многочисленной семьи Ахримановыхъ міро-крушителей. Борьба съ Печенѣгами, Половцами,

Болгарами, Ясами, Косогами и другими кочевниками Тюркскаго или Монгольскаго племени наполняетъ собою первые вѣка исторической жизни Руси. Но какъ ни печально было это сосѣдство и какъ ни вредно должно было оно отражаться на развитіи молодой націи въ теченіе первыхъ четырехъ вѣковъ (IX—XIII вв.), Русь выносила эту борьбу, продолжая свое культурное и политическое развитіе. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе ни степени, ни самаго хода этого развитія; для насъ довольно помнить, что развитіе это шло по типу прогрессивной, а не циклической культуры. Но этимъ зачаткамъ прогрессивной культуры не суждено было развиться и разцвѣсти. Ахриманъ выслалъ изъ нѣдръ азіатскихъ пустынь дикарей—номадовъ которые въ половинѣ XIII ст. совершили одно изъ мірокрушительныхъ нашествій, въ неудержимомъ своемъ разливѣ поглотившее всѣ восточныя культурныя страны и даже плеснувшее на страны Запада. Эта была эпоха Чингиза, великаго Каана всѣхъ монгольскихъ и тюркскихъ ордъ Верхней Азіи. Русь была тоже покорена, опустошена, ея населеніе истреблено, ея зарождающаяся культура удушена. Это монгольское иго, продолжавшееся цѣлыхъ два столѣтія и все наполненное страшными опустошеніями и поголовными избіеніями, ниспровергло культуру первыхъ вѣковъ русской исторіи. Съ большимъ трудомъ съ половины XVII ст. (черезъ два столѣтія послѣ освобожденія и черезъ четыре послѣ нашествія) начала мало по малу русская исторія возвращаться въ прежнее ложе и перерабатывать свою цивилизацію по типу прогрессивному. Таково было

вліяніе на Россію того Востока, съ которымъ этой странѣ лѣсной культуры пришлось имѣть дѣло съ самыхъ пеленокъ своей исторической жизни; вліяніе это было самое пагубное. Но поборовши орды Ахримана и долгою культурною борьбою снова пріобщившись къ общеевропейскому прогрессу, Россія вмѣстѣ съ тѣмъ дала обратное движеніе той верхне-азіатской волнѣ, которая чуть не поглотила ее наравнѣ съ культурами Азіи. Россія вступила, не медля послѣ своего освобожденія, въ рѣшительную борьбу съ Востокомъ Ахримана. Этотъ Востокъ конечно остался при прежнихъ привычкахъ, традиціяхъ и инстинктахъ. По прежнему онъ продолжалъ жить набѣгами на сосѣднія культурныя страны и по прежнему только раззореніемъ и кровавыми избіеніями вписывалъ свое существованіе въ лѣтописи міра. Конечно, и относительно освободившейся Россіи онъ держалъ себя не иначе. Россія отвѣтила наступательно и изъ своихъ родныкъ лѣсовъ вышла въ степь, чтобы обезопасить себя отъ разбойниковъ, издавна населявшихъ эту степь. Съ XVI столѣтія началось наступленіе Россіи на степныя племена Ахриманова Востока. Въ этомъ столѣтіи пали два татарскихъ ханства — Казанское и Астраханское и Россія, ставъ на берегу Каспія, изолировала разбойниковъ Черноморскихъ степей отъ сообщенія съ своими неисчислимыми (какъ тогда казалось) братьями степей и пустынь Верхней Азіи. Тогда же началась упорная борьба съ изолированными крымскими разбойниками, но тогда же это изолированіе прекратилось, такъ какъ послѣдній татарскій ханатъ на европейской почвѣ нашелъ себѣ поддержку въ новыхъ

тюркскихъ ордахъ, вторгшихся въ Европу южнымъ путемъ (черезъ Иранъ и Левантъ) и покорившихъ южныхъ славянъ, подобно тому, какъ предшественники XIII ст. покорили сѣверныхъ. Поддержанные турками крымскіе татары продолжали борьбу въ теченіи двухъ съ лишнимъ столѣтій, продолжая раззорять наши южныя окранны. Наконецъ, въ XVIII ст. и эта послѣдняя татарская орда на европейскихъ границахъ Россіи пала. Всѣ европейскія степи, составляющія естественное продолженіе средне-азіатскихъ и лучшій путь для вторженія, были умиротворены, прочно заняты и колонизуемы культурою. Но восточные предѣлы этихъ степей, уральскія области, продолжали быть тревожимы набѣгами степныхъ разбойниковъ тюрко-монгольскаго племени. За Ураломъ разстилаются обширныя киргизскія степи, населенныя многочисленными кочевниками, бывшими въ описываемую эпоху одними изъ самыхъ опасныхъ и дикихъ разбойниковъ. Пришлось заняться и ихъ умиротвореніемъ. Такимъ образомъ, подвигая все далѣе и далѣе на Востокъ свои границы и встрѣчая необходимость обезпечивать и эти новыя границы отъ новыхъ, еще не умиротворенныхъ племенъ Верхней Азіи, Россія волею неволею должна была принять на себя неблагодарную задачу — умиротворить страны Ахримановой Азіи и разъ навсегда положить предѣлъ борьбѣ сыновъ Ахурамазды, то есть культурныхъ народовъ, съ дикими сынами Ахримана. Эти народы Ахримана не однажды ниспровергали культуры Востока; съ Запада, наконецъ, явилась сила, которая взялась ниспровергнуть самый престолъ Ахримана и установить нако-

нецъ миръ между культурною Азіей и ея сѣверными сосѣдями. Только этотъ миръ дозволитъ Ормуздовой Азіи свободно и съ шансами на успѣхъ заняться пріобщеніемъ себя къ общечеловѣческому прогрессу, созданному народами Запада.

Но эта задача Россіи, выпавшая ей на долю волею исторіи и въ силу ея географическаго положенія, накладываетъ съ одной стороны тяжелую историческую ношу, неизвѣстную народамъ западной Европы, а съ другой стороны приводитъ ее черезъ покоренныя степи и умиротворенныхъ дикарей къ границамъ старо-культурнаго Востока Ахура-Мазды, того Востока, на который Англія смотритъ съ такою по истинѣ любовною ревностью, какъ на свое достояніе. Россія уже стала на границахъ Леванта, Персіи, Китая, а покореніемъ Средне-Азіатскихъ ханствъ быстро приближается къ границамъ Индостана. Но объ этомъ я поговорю подробнѣе въ другой главѣ, а теперь ограничусь этимъ общимъ очеркомъ отношеній между Россіей и Востокомъ въ теченіе перваго тысячелѣтія нашей исторіи. Я также еще не успѣлъ надлежащимъ образомъ очертить характеръ русскаго движенія на Востокъ. А пока удовольствуемся тѣмъ выводомъ, что движеніе Россіи на Востокъ, начавшееся издревле, наложено на нее тяжелою историческою необходимостью и, будучи въ высшей степени благодѣтельно для самаго Востока, составляетъ (большею частью) для Россіи только тяжесть и жертвы безъ вознагражденія, если не считать вознагражденіемъ безопасность границъ отъ разбоевъ и набѣговъ.

ГЛАВА V.

Русское движеніе на Востокъ.

Двойной характеръ движенія: умиротвореніе и колонизація.—Казачество.—Незначительность торговаго движенія.—Линіи и ихъ фатальное движеніе.— Пустыня. — Перенесеніе линій за пустыню.—Оренбургская линія.—Сибирская.—Необходимость сомкнуть и вторженіе въ культурные оазисы Средней Азіи.—Область умиротворенія.—Обзоръ старо-культурныхъ оазисовъ во власти хищниковъ.—Завоеваніе въ этихъ оазисахъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.--Значеніе этого новаго шага по пути умиротворенія.—Встрѣча съ Англіей.

Въ прошлой главѣ я старался показать ту историческую необходимость, которая, поставивъ Россію лицомъ къ лицу не съ культурнымъ, а съ хищническимъ Востокомъ, вынудила ее на борьбу съ нимъ и фатально, неизбѣжно вызвала движеніе на Востокъ, привела ее къ границамъ Турціи, Персіи, Китая и подвигаетъ къ границамъ Англо-Индіи. Но конечно было-бы преувеличеніемъ приписывать исключительно этой причинѣ русское движеніе на Востокъ. Оно (т. е. сосѣдство хищнической ахримановой Азіи) вызвало движеніе и постоянно питало и питаетъ до сихъ поръ, но конечно не *одна* эта необходимость обезопасить свои окраины отъ хищныхъ сыновъ Ахримана толкала русскихъ людей въ глубь Азіи. Поиски

новыхъ земель, страсть къ завоеваніямъ и другія общія всему человѣчеству побужденія влекли русскихъ піонеровъ все далѣе и далѣе на Востокъ, пока въ концѣ XVII стол. они не достигли береговъ Великаго океана. Это другое движеніе надо вполнѣ различать отъ движенія для умиротворенія и охраненія окраинъ. Послѣднее вторгалось въ степи и пустыни, окаймляющія повсюду въ Восточной Европѣ и Азіи лѣса болѣе сѣвернаго пояса. Въ предѣлахъ этого лѣснаго пояса шло то другое движеніе. Они шли оба параллельно и даже отчасти совпадали, но ихъ не должно ни смѣшивать, ни обобщать. Причины, двигавшія Русь на Пермь, Югру, Сибирь — вплоть до Камчатки и Амура — имѣютъ очень мало общаго съ причинами, вынудившими покореніе Казани, Астрахани, Крыма, занятіе степей новороссійскихъ, при-каспійскихъ и киргизскихъ. Но если причины обоихъ движеній на Востокъ и были неодинаковы, то нельзя сказать того-же о характерѣ движенія, о тѣхъ способахъ, которыми закрѣплялись успѣхи и умиротворялись обширныя пространства. Дѣло въ томъ, что нигдѣ русское движеніе не было исключительно военнымъ, но всегда и всюду вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣльческимъ. Колонизація занятаго края всегда шла рука объ руку съ его завоеваніемъ. Историческія условія русской жизни, а между ними въ значительной степени именно постоянная борьба съ хищниками Ахримановой Азіи, создали у насъ особый видъ пограничной военно-земледѣльческой милиціи—казачество. Это казачество завоевало Сибирь и впервые еще въ XVII ст. водрузило русское знамя на берегахъ Амура; оно же первое черезъ

степи, отдѣлявшія южныя окраины лѣсной Руси отъ южныхъ морей (Чернаго и Каспійскаго) достигло этихъ береговъ; на немъ-же лежала главная забота по умиротворенію Кавказа и Киргизскихъ степей.

Казачество—конечно войско, но вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣльческое населеніе. Казацкая станица—конечно военный форпостъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и село, преданное разнаго рода мирнымъ занятіямъ—хлѣбопашеству, скотоводству, рыбному и другимъ промысламъ. Такой характеръ казачества придаетъ ему особую спеціальную приспособленность къ борьбѣ съ полудикими хищниками, которыхъ оно въ теченіи трехъ столѣтій постоянно умиротворяетъ. Казацкая линія не нуждается за собою въ какихъ либо операціонныхъ базисахъ, коммуникаціонныхъ линіяхъ; она сама въ себѣ въ своихъ станицахъ (т. е. на самыхъ оборонительныхъ линіяхъ) представляетъ операціонный базисъ. Военно-земледѣльческая колонія, казацкая станица сама себя содержитъ и сама защищаетъ себя и отъ хищныхъ сосѣдей, но этотъ-то двойной характеръ казачьей оборонительной линіи, столь хорошо приспособленный къ борьбѣ съ разбойниками степей, вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ къ тому, что борьба эта волей-неволею носитъ характеръ наступательный. Учрежденіе исключительно военной оборонительной линіи значительно впереди культурнаго пояса можетъ до извѣстной степени обезопасить этотъ поясъ отъ степныхъ разбойниковъ, но если учреждается линія казачья, т. е. военно-земледѣльческая, то вмѣстѣ съ ея выдвиганіемъ впередъ движется за нею, немедленно и культурный поясъ. Рядъ казачьихъ станицъ уже самъ по себѣ составляетъ полосу земледѣль-

ческой культуры, но этого мало: за земледѣльцемъ-казакомъ идетъ торговецъ, возникаютъ городки и мѣстечки, жители которыхъ тоже начинаютъ заниматься культурою и промыслами, а за симъ естественно появляется и мирное село. И вотъ, для безопасности этого новаго культурнаго пояса, нужно снова выдвигать казачью линію, а за нею снова движется и мирное населеніе, и земледѣльческая культура и т. д. и т. д. Такова, такъ сказать, схема движенія въ глубь степей и горъ (Кавказъ); подробности конечно самыя различныя. Движеніе военное параллельно съ движеніемъ земледѣльчески-колонизаціоннымъ; второе закрѣпляетъ первое, но и толкаетъ его далѣе,—такова общая характеристика русскаго движенія на Востокъ, изъ родной области лѣсовъ въ глубь степей.

Быть можетъ, нѣкоторые пожелали бы прибавить къ этимъ піонерамъ военно-земледѣльческаго типа еще піонеровъ-торговцевъ, но едва-ли подобная прибавка выдержитъ критику. Торговля никогда не прокладывала путей ни нашему оружію, ни колонизаціи. Она шла за ними и далеко позади ихъ. Такъ долгое время послѣ покоренія восточной Сибири, основанія тамъ русскихъ центровъ и разселенія русскихъ колоній (забайкальское казачье войско, восточно-сибирскіе казачьи баталіоны, старообрядческія поселенія, ссыльно-поселенцы и т. д.), весь этотъ край одѣвался въ китайскія ткани и вообще пользовался продуктами китайскаго, а не русскаго производства. Западная Сибирь (русская уже съ XVI стол. и населенная въ большинствѣ русскими) до половины настоящаго столѣтія снабжалась тканями и другими издѣліями обрабатывающей промышленности

изъ Бухары и вообще средне-азіатскихъ ханствъ, но не изъ Россіи. Наконецъ, въ настоящее время балансъ русской торговли съ Среднею Азіею постоянно заключается не въ нашу пользу. Бухара, Хива, Коканъ, какъ оказывается, больше ввозятъ въ Россію, нежели получаютъ изъ нея, выручая разницу наличнымъ золотомъ. Кочевые народы степей и пустынь верхней Азіи, уже покоренные нами (киргизы, кипчаки, кара-киргизы, таранчи и т. д.) снабжаются всѣмъ имъ необходимымъ изъ тѣхъ-же ханствъ, а не изъ Россіи. Торговля съ Персіей тоже заключается большею частью въ пользу иранцевъ. Всѣ эти любопытныя свѣдѣнія я почерпнулъ изъ книжки г. Терентьева „Россія и Англія въ борьбѣ за рынки“. Неправда ли, какъ это громкое заглавіе соотвѣтствуетъ фактамъ, добросовѣстно сообщеннымъ самимъ г. Терентьевымъ! Какая уже тутъ борьба съ Англіей, когда мы и съ киргизомъ и бухарцемъ справиться не можемъ. А г. Терентьевъ говоритъ о борьбѣ съ Англіей *за рынки*! Изъ книги г. Терентьева, впрочемъ, видно, что англичане проложили себѣ путь въ независимыя средне-азіатскія ханства. Но дальнѣйшему распространенію и упроченію этого рынка мѣшаетъ то, что значительная часть Средней Азіи въ рукахъ Россіи, которая частью вовсе воспретила, частью обложила покровительственнымъ тарифомъ англійскіе товары. Изъ вышеприведенныхъ фактовъ, однако, явствуетъ, что въ этомъ случаѣ Россія покровительствуетъ не столько русской промышленности и торговлѣ, сколько мѣстной, которая охраняется отъ подавленія англійскою. Впрочемъ, приводя всѣ эти факты и соображенія, я вовсе не нахожу ихъ ни печальными, ни

предосудительными для насъ. Въ другихъ главахъ я показалъ, къ какому по истинѣ критическому состоянію привело Англію производство для другихъ. Эксплуатируя сотни милліоновъ, Англія въ самомъ своемъ существованіи (въ ея настоящемъ видѣ) зависитъ отъ послушанія всѣхъ этихъ разношерстныхъ населеній старо-культурныхъ странъ Востока. Не желая моей родинѣ ничего подобнаго, я могу только радоваться, что она еще достаточно далека отъ такого по истинѣ блистательно-печальнаго состоянія. Впрочемъ, я отвлекся отъ предмета, такъ какъ единственная цѣль этого небольшаго отступленія была напомнить, что торговля,—эта важная, а порою и главная пружина западно-европейской колонизаціи,—была не при чемъ въ исторіи русскаго движенія на Востокъ. Западная Сибирь была покорена въXVI стол., русскій земледѣлецъ занялъ ее въ теченіи XVI—XVIII стол., русскій купецъ утвердился въ ней только во второй половинѣ XIX стол., на три столѣтія опоздавъ послѣ казака и мирнаго земледѣльца. Тоже и въ восточной Сибири, и въ киргизскихъ степяхъ, и въ Средней Азіи, и на Амурѣ, и за Кавказомъ. Если въ послѣднее время стали обращать вниманіе на интересы русской торговли при движеніи на Востокъ, то это, конечно, отчасти доказываетъ, что русскій купецъ проснулся и не хочетъ болѣе отставать отъ земледѣльца, но съ другой стороны значительное вліяніе на эти толки и заботы объ интересахъ торговли должно имѣть просто вѣяніе съ Запада. Англичане, французы, нѣмцы толкуютъ объ интересахъ торговли,—не отставать же и намъ.

И такъ существенный характеръ русскаго движенія на Востокъ былъ военно-земледѣльческій. Съ винтовкою въ одной рукѣ, съ топоромъ и сохою въ другой пробирались казаки все далѣе и далѣе въ глубь сибирскихъ лѣсовъ и верхнеазіатскихъ степей. Сначала въ XVI и XVII стол. это было вольное движеніе, въ XVIII и XIX оно подчинилось руководству государства. На крайнемъ Востокѣ была установлена государственная граница съ Китайской имперіей уже въ началѣ XVIII ст., но сюда, западнѣе, начиная отъ Алтайскихъ горъ и кончая устьями Дуная, простирались степи и пустыни, кишившія хищниками и разбойниками тюркской расы. Болѣе восточные монголы отошли къ Китаю и вошли въ область, умиротвореніе которой выпало на долю Небесной Имперіи, но многочисленныя и разнородныя тюркскія орды, населявшія болѣе западныя степи и пустыни, никому не подчиненныя и разбойники по ремеслу и идеалу, составляли еще въ началѣ XVIII стол. повсюду нашу южную границу. Поднѣпровская Украйна подвергалась нападеніямъ крымско-татарской орды; восточные ногаи, кавказскіе горцы, киргизы Букѣевской орды, киргизы малой, средней и большой орды, калмыки Дзюнгаріи— таковы были наши хищные сосѣди начала XVIII стол., державшіе въ страхѣ всю нашу южную окраину отъ Днѣстра до Алтая. А за этими непосредственными сосѣдями шли кочевья и селенія другихъ хищниковъ, порою присоединявшихся къ ближайшимъ. Турки были арьергардомъ крымской орды, туркмены, узбеки Хивы и Кокана и т. д. стояли за киргизами. Только въ одномъ мѣстѣ эта сплошная орда разбойниковъ бы-

ла разрѣзана и разобщена. Еще въ XVI стол. русскіе спустились по Волгѣ къ Каспійскому морю и по Дону къ Азовскому.

Этотъ клинъ разобщилъ восточныхъ хищниковъ отъ ихъ болѣе западныхъ родичей. Разобщеніе было тѣмъ полнѣе, что и далѣе на югъ, за Каспіемъ, Иранъ свергъ власть тюркскихъ дикарей и создалъ грань между западными тюрками (османскіе турки, татары) и Верхнею Азіею, главною территоріей этой разбойничьей расы. Для послѣдующей исторіи Востока это разобщеніе двухъ отраслей тюркскаго племени на сѣверѣ Россіей, на югѣ Персіей имѣло весьма серьезное значеніе.

Вышеочерченное положеніе дѣлъ въ началѣ XVIII ст. конечно не могло быть терпимо, и вотъ уже со временъ Петра I мы замѣчаемъ, что государство рѣшительно беретъ въ свои руки наступательную борьбу съ хищниками степей, борьбу, которую до того времени большею частью вело вольное казачество партизански и безъ опредѣленнаго плана. XVIII столѣтіе наполнено турецкими войнами, которые привели къ тому, что всѣ южныя степи, притонъ крымскихъ хищниковъ, были покорены. Крымская орда умиротворена и началась быстрая колонизація занятыхъ территорій. Благопріятныя мѣстныя условія и близость густонаселенныхъ мѣстностей метрополіи повели къ тому, что новороссійскія степи быстро заселились и уже неразличимо вошли въ составъ культурныхъ земель Россіи. Крайняя западная оконечность великой степи, безъ перерывовъ простирающейся отъ стѣнъ Китая до предгорій восточныхъ Балканъ и Карпатъ, окон-

чательно отторгнута отъ владѣній злаго Ахримана. Это культурное завоеваніе степей продолжалось и восточнѣе Новороссіи. Колонизація предкавказскихъ степей и при-уральскихъ тоже началась и значительно подвинулась въ XVIII ст. Колонизація эта была по преимуществу казацкая и, достигнувъ умиротворенія манычскихъ калмыковъ, прикумскихъ татаръ, башкирцевъ, букѣевскихъ киргизовъ (между Волгою и Ураломъ), привела насъ въ соприкосновеніе, а слѣдовательно и столкновеніе съ болѣе дикими хищниками, болѣе неукротимыми и скрывающимися за болѣе недоступными и непривычными преградами. Вмѣсто плодоносныхъ степей — пустыня, вмѣсто могучихъ рѣкъ и лѣсныхъ чащей—горныя вершины. Со степями, рѣками и лѣсами русскій казакъ зналъ борьбу, но пустыня Киргизъ-Кайсака и ущелья Черкеса были для него новостью, къ которой надо было приспособиться. Этимъ слѣдуетъ объяснить замедленіе въ движеніи на Востокъ въ первой половинѣ XIX ст. Кавказъ былъ покоренъ лишь въ 60-хъ годахъ; къ тому же времени относится и окончательное умиротвореніе киргизъ-кайсацкой пустыни. Простираясь отъ Урала до Алтайскихъ горъ эта полустепь-полупустыня составляетъ юго-восточную и восточную грань Оренбургскаго края и южную — западной Сибири. Начиная съ запада степь-пустыня населена тремя ордами киргизовъ—Малой, Средней и Большой, а еще восточнѣе — кара-киргизами. Борьба съ этими хищниками (свыше милліона) началась одновременно съ сѣверо-запада со стороны Оренбурга (земли казачьихъ войскъ оренбургскаго и уральскаго) и съ сѣверо-во-

стока со стороны Иртыша (сибирскіе казаки). Прежній способъ умиротворенія—военно-земледѣльческая казацкая колонизація все болѣе и болѣе подвигающимися впередъ линіями станицъ—болѣе не годился; территорія киргизъ-кайсаковъ не годилась для земледѣлія.

Это вызвало вначалѣ образъ дѣйствія, сходный въ общихъ чертахъ съ тѣмъ, при помощи котораго думали бороться съ хищными кочевниками властители азіатскихъ культурныхъ странъ, начиная съ Кира и Дарія Гистаспа, продолжая Александромъ Македонскимъ и римлянами и кончая Сефидами Ново-Персіи. Заключается онъ въ томъ, что культурный поясъ обносится рядомъ сторожевыхъ постовъ, а кочевники пустыни устрашаются болѣе или менѣе удачными походами и набѣгами въ глубь степей. Этими походами кочевники приводятся къ покорности, вынуждаются признать болѣе или менѣе номинальную власть своихъ культурныхъ сосѣдей и погромомъ, сопровождающимъ походы и набѣги культурныхъ войскъ, устрашаются. Страхъ наказанія долженъ, по этой системѣ, удерживать кочевыхъ хищниковъ отъ набѣговъ и разбоя. Система эта, какъ доказалъ опытъ многихъ тысячелѣтій борьбы Ирана съ Тураномъ, не удовлетворяетъ задачамъ умиротворенія культурныхъ окраинъ. Страхъ наказанія дѣйствуетъ только, пока наказаніе помнятъ; возможность избѣгнуть наказанія весьма осуществима, для чего стоитъ только во время похода культурнаго воинства откочевывать все далѣе въ глубь пустыни; само наказаніе, т. е. погромъ кочевниковъ во время похода, вызываетъ не только страхъ, но и жажду

мести, вражду. Наконецъ, за ближайшими кочевниками живутъ менѣе доступные для наказанія, но могущіе тѣмъ не менѣе тревожить пограничные округи набѣгами, скрываясь затѣмъ въ свои отдаленныя кочевья. Таковы неудобства той системы умиротворенія западно-сибирской и оренбургской окраинъ, каторая была первоначально принята и которая вполнѣ соотвѣтствовала системамъ Кира, Дарія, Александра, Аббаса, Надира и др. Вся пространная киргизская степь была раздѣлена на два вѣдомства. Восточная, меньшая часть, населенная киргизъ-кайсаками Большой орды и каракиргизами, отошла въ вѣдомство западно-сибирскаго ген.-губернаторства; западная, гораздо болѣе обширная, занятая киргизами ордъ Букѣевской, Малой и Средней, была отнесена къ вѣдомству оренбургскаго ген.-губернаторства. Оба вѣдомства выставили противъ степи линіи фортовъ и сторожевыхъ постовъ и вынудили сосѣднихъ кочевниковъ (киргизовъ и каракиргизовъ) принять русское подданство. Какъ и слѣдовало ожидать, это подчиненіе было только номинальное и хищники не только не были вѣрными подданными русскаго государства, но не оставили и прежнихъ набѣговъ въ предѣлы своихъ новыхъ соотечественниковъ. Наказанія за набѣги только запутывали отношенія, создавали взаимные счеты несправедливости и мщенія; — въ этой партизанской войнѣ прошло нѣсколько десятилѣтій, въ которыя надѣялись, что принятая система способна умиротворить Киргизскія степи и русскія окраины. Западно-сибирское вѣдомство раньше убѣдилось въ несостоятельности системы и скоро оттуда начали настойчиво рекомендовать пере-

ходъ въ наступленіе съ цѣлью отрѣзать Киргизскія степи укрѣпленными линіями не только отъ нашихъ окраинъ, но и отъ хищныхъ гнѣздъ за киргизскою территоріей. Это окруженіе киргизовъ русскими линіями должно было ихъ вполнѣ изолировать отъ прочихъ хищниковъ, лишивъ ихъ и надежды на уклоненіе отъ наказанія и поддержки со стороны болѣе отдаленныхъ разбойниковъ и возможности выгодно сбывать добычу въ культурные оазисы Средней Азіи, гдѣ основались разные тюркскіе народцы, превративъ ихъ въ разбойничьи притоны. Но для осуществленія этой программы необходима была вооруженная борьба не съ одними киргизами, потому что такой порядокъ вещей нарушалъ далеко не одни киргизскіе интересы, а между тѣмъ въ 30-хъ годахъ надѣялись еще умиротворить киргизовъ мирнымъ вліяніемъ, распространеніемъ цивилизаціи, привлечь подарками и ласкою, устрашая наказаніями. Такимъ образомъ попытки западно-сибирскаго вѣдомства измѣнить систему не удались. Неудача хивинской экспедиціи 1839 года, предпринятой съ цѣлью освобожденія 500 русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ киргизами и проданныхъ въ Хиву, доказала неудовлетворительность системы, которая не гарантировала гражданъ могущественной русской державы отъ перспективы появленія на невольничьихъ рынкахъ Хивы, Бухары, Кокана въ качествѣ товара. Такъ называемый бунтъ киргизскаго султана Кенисары Касимова въ 40-хъ годахъ окончательно подорвалъ вѣру въ состоятельность Оренбургской системы. Это движеніе наполнило собою нѣсколько лѣтъ, глубоко взволновало русское го-

сподство и было подавлено только послѣ кровопролитной и продолжительной войны. Бѣдствія, обрушившіяся при этомъ на русскія прикиргизскія окраины, были громадны. Султанъ Кенисары въ сущности вовсе не былъ бунтовщикъ, такъ какъ киргизы были только номинально подчинены; онъ былъ Чингизъ или Тимуръ въ миніатюрѣ. Начавъ съ мелкаго разбоя, или баранты, онъ поднялся своими успѣхами въ глазахъ своихъ единомышленниковъ, скоро достигъ громаднаго вліянія и увѣровалъ въ свое призваніе. Вѣсть о появленіи новаго мірокрушителя, новаго бича божьяго, т. е. громадной поживы въ перспективѣ, быстро разнеслась по киргизскимъ кочевьямъ и сторонники начали стекаться со всѣхъ сторонъ. Снисходительность Оренбургскаго начальства, старавшагося уладить дѣло мирно, была принята за слабость и скоро новый мірокрушитель предводительствовалъ уже цѣлыми ордами и справиться съ нимъ было не легко. Эти два урока (Хивинская экспедиція и бунтъ Кенисары) не прошли, конечно, безслѣдно и въ концѣ сороковыхъ годовъ рѣшено перейти къ новой системѣ, еще раньше рекомендованной изъ западной Сибири, т. е. положено начало охвату киргизской степи съ востока и юга наружною укрѣпленною линіею на подобіе той внутренней, которая уже окаймляла степь съ сѣвера и запада. Европейскія событія 1848—1850 гг., а затѣмъ вскорѣ вспыхнувшая Крымская война 1853—1856 гг. отвлекли вниманіе правительства отъ далекой киргизской окраины и отсрочили задуманное дѣло на полтора десятилѣтія. Тѣмъ не менѣе начало было положено и съ С.-В. Сибирью и съ С.-З. Оренбургомъ. Сибир-

ская линія дошла до рѣки Или, Оренбургская еще передъ Крымскою войною вышла на низовье Сыръ-Дарьи, гдѣ были основаны форты Казалинскъ, Перовскъ и другіе. Послѣ войны дѣло было возобновлено съ новою энергіею. Сибирякамъ пришлось выдержать весьма серьезную борьбу съ Коканцами изъ-за Семирѣчья, но не смотря на совершенную ничтожность сибирскихъ военныхъ силъ, власть въ Семирѣчьи была упрочена и русская укрѣпленная линія протянулась по западной китайской границѣ до Тянь-Шана, по этому хребту до границъ Кокана. Въ то время, какъ коканцы пытались вытѣснить сибиряковъ изъ Семирѣчья, оренбургцы подвигались вверхъ по Сыръ-Дарьѣ и отняли у коканцевъ Ак-Мечеть, Туркестанъ, причемъ достигли западныхъ острововъ Каратау'скаго хребта, окаймляющаго Коканъ съ сѣвера. По этому хребту подвигалась изъ Семирѣчья и сибирская линія и когда въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сибирцы взяли Ауліе-Ата, а оренбургцы—Чимкентъ, обѣ линіи были сомкнуты и наружная укрѣпленная линія неразрывно протягивалась отъ Алтайскаго хребта по южной окраинѣ киргизскихъ степей до Каспійскаго моря. Киргизскія орды были изолированы, во время борьбы за наружную линію покорены, и киргизскія степи окончательно умиротворены. Этотъ результатъ, какъ сказано, былъ достигнутъ въ началѣ 60-хъ годовъ, но логика событій толкала Россію все впередъ, и впередъ и это поступательное движеніе еще далеко не сказало своего послѣдняго слова. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ положеніи очутилась Россія послѣ того, какъ сомкнута была наружная киргизская линія послѣ завоеванія Ауліе-Ата

и Чимкента? Сама эта линія была создана для умиротворенія обширной киргизской степи съ ея милліоннымъ кочевымъ населеніемъ застарѣлыхъ хищниковъ, но провести эту наружную линію въ предѣлахъ самыхъ киргизскихъ степей оказывалось невозможнымъ, какъ по мѣстности не годной ни для какой осѣдлости. Линію пришлось проводить по сѣверной окраинѣ территорій, лежавшихъ къ югу отъ киргизской степи и по своему характеру способныхъ къ заселенію. Сибиряки выдвинулись въ рѣчную систему р. Или, оренбургцы вышли на Сыръ-Дарью, соединены обѣ линіи были по предгорьямъ Кара-Тау. Для занятія этихъ мѣстностей и устройства наружной линіи пришлось уже съ самаго начала вступить въ борьбу не съ одними киргизами, но и коканцами, такъ какъ эти окраины среднеазійскаго оазиса принадлежали коканскому ханству. Борьба, начатая изъ-за линіи, конечно на этомъ не остановилась и, продолжаясь съ Коканомъ, обобщилась въ борьбу съ оставшимися еще независимыми Тюрками Верхней Азіи. За покореніемъ киргизовъ оставались два еще многочисленныхъ и далеко распространенныхъ тюркскихъ народа: узбеки и тюркмены. Послѣдніе не менѣе многочисленные, чѣмъ киргизы, но гораздо болѣе хищные и сильные кочевники занимаютъ степи и пустыни по сѣверной окраинѣ Ирана, между Каспіемъ и Аму-Даріей. Въ то время они соприкасались съ русскими владѣніями лишь въ занятомъ около этого времени Красноводскѣ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, что однако не мѣшало имъ предпринимать смѣлые набѣги далеко въ глубь русскихъ степей, доходить до самаго Урала, разбойничать

и захватывать плѣнныхъ, которые сбывались на невольничьихъ рынкахъ Средней Азіи. Но впрочемъ, опасности и трудности, сопряженныя съ подобными набѣгами на сѣверъ, заставляли всегда туркменъ предпочитать набѣги на югъ въ предѣлы Персіи. Сюда и ближе, и безопаснѣе, и добыча богаче; поэтому хотя туркмены и тревожили русскихъ, но не особенно и двойная цѣпь линій вмѣстѣ съ постами на берегахъ Каспія могла считаться до времени сноснымъ обезпеченіемъ съ этой стороны, хотя нельзя было не думать о необходимости рано или поздно положить предѣлъ туркменскимъ набѣгамъ. Въ такомъ же положеніи были и узбеки Хивинскаго ханства, обыкновенно раздѣлявшіе участіе въ разбойничьихъ набѣгахъ съ туркменами, ихъ ближайшими сосѣдями. Но уже въ другомъ отношеніи къ Россіи стали съ начала 60-хъ гг. узбеки двухъ другихъ ханствъ Средней Азіи, Кокана и Бухары. Собственно Узбеки — тюрко-татарское племя, завоевавшее Бухару съ другими средне-азіатскими областями около конца XV ст., и составляющее потомковъ татаръ Золотой орды, нѣкогда господствовавшей надъ Россіей. Но съ тѣхъ поръ названіе узбека распространилось на всѣхъ вообще осѣдлыхъ и полуосѣдлыхъ тюрко-татаръ культурныхъ оазисовъ Средней Азіи. Населеніе этихъ странъ слагается изъ двухъ элементовъ, Таджиковъ, говорящихъ на особомъ нарѣчіи персидскаго языка и составляющихъ остатокъ древняго иранскаго населенія и Узбековъ, тюркскихъ пришельцевъ, отчасти истребившихъ, отчасти подчинившихъ туземное населеніе. Въ настоящее время узбеки повсюду многочисленнѣе таджиковъ, а власть

уже со временъ Чингиза находится безпрерывно въ рукахъ тюрковъ. Нѣсколько столѣтій осѣдлой жизни однако не лишило средне-азіатскихъ тюрковъ ихъ хищническихъ наклонностей. Коканцы и хивинцы всегда принимали дѣятельное участіе въ набѣгахъ киргизовъ и туркменъ; если бухарцы въ этомъ меньше виновны, то единственно потому, что они были дальше и непосредственно не соприкасались съ нашими предѣлами. Такимъ образомъ, умиротвореніе киргизской степи посредствомъ наружной линіи привело насъ прежде всего къ дверямъ перваго притона полуосѣдлыхъ хищниковъ, къ ханату Кокана. Борьба не замедлила вспыхнуть. Когда палъ Ташкентъ и русскіе вышли на средній Сыръ, бухарцы пришли на помощь къ коканцамъ. Двѣ неудачныя войны убѣдили бухарцевъ въ безполезности борьбы; результатомъ этихъ войнъ съ Коканомъ и Бухарою было присоединеніе половины коканскаго ханства и значительной бухарской территоріи съ Самаркандомъ. Продолжавшееся хищничество хивинцевъ и туркменъ привело въ 1873 году къ походу въ эти страны и занятію территорій на нижнемъ теченіи Аму-Дарьи. Нападеніе коканцевъ въ 1876 году повело къ окончательному покоренію этого ханства. Въ 1877 году прикаспійскимъ отрядамъ пришлось выдержать столкновеніе съ туркменами—Теке. Но была-ли этимъ умиротворена Средняя Азія? Конечно, нѣтъ. Туркмены находились въ 70-хъ годахъ въ томъ-же положеніи, въ которомъ находились киргизы въ 30-хъ годахъ, т. е. противъ нихъ существовала только внутренняя линія, а отъ набѣговъ они удерживались вліяніемъ на старшинъ и страхомъ на-

казанія. Хивинскіе узбеки находятся приблизительно въ положеніи Кокана послѣ потери Ташкента, каковая потеря не помѣшала имъ въ 1876 году напасть на русскихъ. Едва-ли мы вправѣ ожидать отъ хивинцевъ болѣе благоразумія, тѣмъ болѣе, что хивинцы могли-бы опереться на полуумиротворенное милліонное кочевое населеніе туркменъ. Въ такомъ же положеніи, какъ Хива, находится и Бухара; правда, въ этомъ ханствѣ сильнѣе мирное таджикское населеніе, но за то и соблазну больше; само ханство гораздо сильнѣе, съ Востока къ нему примыкаетъ рядъ независимыхъ разбойничьихъ ханатовъ, туркмены тоже подъ бокомъ (за Аму), а немного далѣе Афганистанъ, готовый подъ вліяніемъ Англіи поддержать Бухару.

Таково было положеніе дѣлъ въ Средней Азіи. Дѣло умиротворенія тюркской расы сильно подвинулось впередъ, но завершеннымъ почитаться еще не могло. Нѣсколько милліоновъ хищниковъ (туркменъ и узбековъ и другихъ, помельче) не лишены были окончательно всякой возможности къ разбоямъ, набѣгамъ и т. п. Они устрашены были покореніемъ Кокана, разгромомъ Бухары, Хивы, туркменъ (Іомудовъ въ 1873 г.), но исторія не разъ уже доказала, что страхъ—недѣйствительное средство для прочнаго мира. На одномъ страхѣ нельзя основать ни внутренняго, ни внѣшняго мира. Посему, разъ вторгнувшись въ покоренные тюрками оазисы Средней Азіи и занимаемыя ими же родныя ихъ степи и пустыни, Россія фатально вынуждается завершить умиротвореніе полнымъ занятіемъ всей тюркской территоріи. Дѣйствительно очень скоро выдвинулась на первый планъ задача полнаго умиротво-

ренія туркменъ. Походы Ломакина и Лазарева, кончившіеся неудачею, показали, что задача эта не такъ легка. Пришлось двинуть цѣлую небольшую армію, подъ начальствомъ Скобелева, чтобы сломить главное гнѣздо туркменскаго хищничества. Второе важное гнѣздо Мервъ стало русскимъ достояніемъ лишь въ 1884 году. Черезъ оазисы Ахалъ-Текинскій, Серахскій и Мервскій русская укрѣпленная линія охватила туркменскую пустыню съ юга и разобщила ее съ культурными странами Ирана. Это изолированіе столь же необходимо для умиротворенія Туркменіи, какъ раньше подобная же наружная линія нужна была для умиротворенія киргизовъ.

Остановится-ли естественно это движеніе послѣ подчиненія всего Туркестана? На этотъ вопросъ трудно дать отвѣтъ, такъ какъ и за южными предѣлами Туркестана древне-культурныя страны восточнаго Ирана находятся подъ властью кочевыхъ или полукочевыхъ хищниковъ Афганъ, Хезаръ, Чаръ-аймаковъ, Белуджіевъ и т. д. Всюду на востокъ отъ Персіи и на западъ отъ Индіи, на югъ отъ Туркестана и до Индѣйскаго океана древне-иранское населеніе подчинено хищническимъ племенамъ кочевниковъ, но тутъ уже входитъ новый могущественный элементъ,— Англія. Этотъ привходящій дѣятель можетъ произвести громадное вліяніе и на самыя событія въ Туркестанѣ.

ГЛАВА VI.

Встрѣча соперницъ.

1798—1885 г г.

Общая характеристика.—Въ чемъ опасность русскаго движенія для Англіи?—Неуязвимость Англіи для континентальныхъ державъ.—Задача англійской политики съ этой точки зрѣнія.—Первые симптомы соперничества.—Планы императора Павла.—Англо-персидскій уговоръ 1809 г.—Сербское возстаніе и русско-турецкая война 1809—1811 гг.—Греческое возстаніе и отношеніе Европы.—Русско-персидская война 1826 г.—Русско-турецкая война 1828—29 гг.—Политика Англіи, Австріи и Франціи.—Адріанопольскій миръ и Ускіаръ-Скеллессійскій договоръ.—Русское вліяніе въ Стамбулѣ и Тегеранѣ.—Наступленіе персіянъ на Афганистанъ.—Хивинская экспедиція.—Кульминаціонный пунктъ русскаго вліянія на Востокѣ.—Англія выступаетъ на встрѣчу.—Идея средне-азіатской коаліціи противъ Россіи и рядъ посольствъ въ Среднюю Азію.—Афганская война.—Англо-персидская война.—Конвенція о Понто-Эгейскихъ проливахъ.—Паденіе русскаго вліянія на Востокѣ.—Первая восточная война.—Дальнѣйшія событія и реабилитація русскаго значенія на Востокѣ.—Послѣднія осложненія.

Въ первыхъ пяти главахъ этихъ очерковъ я попытался охарактеризовать, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ, современное состояніе Востока и движеніе русскихъ и англичанъ въ глубь Азіи. Сводя высказанныя данныя, мы можемъ слѣдующимъ образомъ очертить это параллельное движеніе.

Русское движеніе первоначально вызвано и затѣмъ постоянно питается хищническимъ наступленіемъ того

Востока, съ которымъ судьбою опредѣлено быть намъ въ сосѣдствѣ. Съ самыхъ пеленокъ нашей исторіи мы уже начали эту борьбу съ хищниками степей и продолжаемъ ее до сихъ поръ. Но вслѣдъ за покореніемъ степей и пустынь, мы пришли къ границамъ культурныхъ странъ Востока, нѣкогда славныхъ своею цивилизаціею, нынѣ же подъ властью тюркской разбойничьей расы превратившихся въ гнѣзда хищниковъ, подъ игомъ которыхъ проживаютъ культурные аборигены страны. Тою же силою исторіи, которая привела къ покоренію степей, двинуты были русскіе и въ эти гнѣзда. Такъ было покорено гнѣздо крымскихъ татаръ; эти-же самыя обстоятельства принудили первоначально и къ турецкимъ войнамъ; они же привели насъ уже въ новѣйшее время къ вторженію въ средне-азіатскія ханства, основанныя узбеками. Это вторженіе въ культурныя страны востока привело русское движеніе въ столкновеніе съ англійскимъ.

Англійское движеніе началось совершенно съ другаго конца. Стремленіе монополизировать выгодную торговлю съ Востокомъ вызвало рядъ кровопролитныхъ войнъ между націями европейскаго Запада. Трехвѣковая борьба кончилась полнымъ торжествомъ Англіи, которая устранила поочередно съ своего пути Португалію, Испанію, Голландію, Францію. Но пока велась эта борьба, значеніе восточной торговли для Европы радикально преобразилось. Вмѣсто того, чтобы вывозить съ Востока предметы потребленія, Западъ (прежде и главнѣе всего Англія) началъ снабжать ими Востокъ, требуя отъ него только сырья. Въ двухъ главахъ я старался указать на значеніе и размѣры это-

го переворота. Восточный рынокъ сдѣлался для Англіи вопросомъ существованія въ томъ видѣ, въ какомъ она экономически и соціально сложилась ко второй половинѣ XIX стол. И этотъ восточный рынокъ, купленный столь дорогою цѣною трехвѣковой борьбы съ континентомъ западной Европы, а на самомъ Востокѣ завоеванный силою оружія, сохраняется за Англіей ея господствомъ на морѣ, во первыхъ, ея могуществомъ въ Индіи, во вторыхъ, ея колоніальною системою, въ третьихъ. Частью политическое (въ Индіи), частью только экономическое господство надъ всѣмъ культурнымъ Востокомъ съ его семьсотъ-пятьюдесятью милліонами уже пріобрѣтенныхъ или только пріобрѣтаемыхъ потребителей—таковъ результатъ англійскаго движенія на Востокъ. Россія покоряла и подчиняла, словомъ умиротворяла дикій хищническій Востокъ Ахримана; Англія частью покорила, частью экономически подчинила культурный Востокъ Ахура-Мазды; оба движенія встрѣтились на границахъ двухъ восточныхъ міровъ.

Но зачѣмъ обѣ державы оказались соперницами? Неужели Азія, эта безпредѣльная Азія оказывается слишкомъ тѣсной для двухъ народностей? Конечно, не безполезно задавать эти вопросы и напоминать ихъ современному человѣчеству, но покраснѣть отъ-нихъ покраснѣютъ едва-ли многіе, а между тѣмъ что можетъ быть позорнѣе этой неуживчивости на такомъ пространствѣ, какъ вся Азія? Однако, неуживчивость обѣихъ націй и тѣснота Азіи есть до такой степени прямой результатъ современной политической системы международныхъ отношеній, что обвинять въ этомъ со-

перничествѣ, кромѣ этой системы, некого и нечего. Обратимся-же къ началу и развитію англо-русскаго соперничества и, прежде всего, къ его естественнымъ (при данномъ историческомъ строѣ) причинамъ.

Прежде всего, какъ мы выше видѣли, русское движеніе неостановилось на границахъ культурнаго Востока, но, перейдя границу, утвердилось въ пограничныхъ краяхъ его. Отторженіе у Турціи Крыма, Бессарабіи Закавказья, у Персіи—Баку и Эривани, у средне-азіатскихъ узбековъ—земель по рр. Сыру, Аму, Заревшану показало англичанамъ, что Россія мало по малу присоединяетъ тѣ культурные страны Востока, на которыя они, англичане смотрятъ, какъ на свою собственность, болѣе того: какъ на свой неотъемлемый рынокъ. Завоевывая культурныя страны Востока, Россія распространитъ, конечно, и свою таможенную покровительственную систему и съ каждымъ шагомъ Россіи впередъ Англія ожидаетъ потери потребителей. И вотъ причина англійскаго недовольства русскимъ движеніемъ; *политическое и земледѣльческое движеніе Россіи стѣсняетъ сферу англійской торговли.*

Но сама по себѣ эта причина едва-ли была-бы способна вызвать англійское соперничество на *всемъ протяженіи* азіатскаго Востока. Въ европейской Турціи это соображеніе играетъ довольно серьезную роль, такъ какъ 30 милліоновъ гарантированныхъ потребителей, конечно, стоютъ заботы, но напр, Средняя Азія? Слабо населена, бѣдна; къ тому же англійская торговля только начинаетъ туда прокладывать дорогу. А между тѣмъ, средне-азіатскія дѣла интересуютъ Великобританію едва-ли не больше, нежели турецкія. Причина

этого вниманія въ томъ, что здѣсь русское движеніе впередъ все болѣс и болѣе сближаетъ границы русскихъ и англійскихъ владѣній. Казалось-бы, что въ сущности обѣимъ державамъ это только выгодно. Чѣмъ вести постоянную мелкую войну на своихъ границахъ, какъ это принуждены въ настоящее время дѣлать и русскіе, и англичане, не лучше-ли сообща умиротворить безпокойныя племена и, проведя настоящую въ европейскомъ смыслѣ слова государственную границу, установить, наконецъ, миръ и спокойствіе и для себя, и для этихъ несчастныхъ странъ, отъ вѣка раздираемыхъ усобицами и набѣгами кочевыхъ разбойниковъ. Не лучше-ли? Да, но это вполнѣ измѣняетъ условія англійскаго преобладанія на Востокѣ и даже вообще англійскаго могущества, роли Англіи и значенія, какъ великой европейской державы. Въ этомъ ключъ ко всему англо-русскому соперничеству.

Могущество Англіи основано на ея несомнѣнномъ экономическомъ первенствѣ, на неизсякаемыхъ финансовыхъ рессурсахъ страны, а затѣмъ на ея неуязвимости въ войнѣ. Господство на морѣ обезпечиваетъ эту неуязвимость державы островитянъ; господство на Востокѣ обезпечиваетъ богатство, процвѣтаніе, финансовые рессурсы; индо-британская имперія составляетъ главную основу и господства на Востокѣ, и англійскаго финансоваго первенства. Поэтому неуязвимость Индіи составляетъ для Англіи столь же важный вопросъ, какъ и неуязвимость собственнаго острова. До сихъ поръ для континентальной Европы Индія, будучи географически лишь полуостровомъ, была въ политическомъ отношеніи такимъ же островомъ, какъ и сама Англія;

путь къ ней лежитъ моремъ, а пока Англія господствуетъ на морѣ, Индія неуязвима также, какъ и острова Великобританіи и Ирландіи. Такимъ образомъ, англичанамъ довольно было первенствующаго флота и блистательныхъ финансовъ, чтобы не бояться хотя-бы всей европейской коалиціи. Такая коалиція дѣйствительно образовалась-было въ 1807 г., но не привела ни къ чему. Англія невозбранно владѣла морями, колоніями, Остъ-Индіей, а это — все, чего ей нужно. Совсѣмъ измѣняются условія англійскаго могущества, когда континентальная Европа получаетъ возможность аттаковать ее въ самомъ источникѣ ея силы и богатства. Именно такія послѣдствія предвидитъ Англія отъ сближенія англійскихъ и русскихъ границъ въ Азіи. Континентальная Европа получаетъ возможность вести войну наступательную противъ Англіи. Вопросъ не въ томъ, имѣетъ-ли намѣреніе Россія отнимать у Англіи Индію, а въ томъ, что Англія теряетъ свою неуязвимость, а ея господство на морѣ—половину своего значенія. До сихъ поръ одного этого господства было достаточно, чтобы обезопасить имперію британцевъ отъ всякаго наступленія въ случаѣ войны; съ той-же минуты когда Россія солидно утвердится вблизи Индіи, флота будетъ недостаточно и придется подумать объ арміи и слѣдовательно совершенно преобразовать всю старую систему своего могущества. Но какую-бы армію ни создала Англія, эта армія все же поставитъ ее лишь въ равныя условія съ другими великими державами и не дастъ ей возможности презирать всякую коалицію. Словомъ, полный переворотъ въ основахъ англійскаго могущества и самъ жизненный восточный рынокъ, поста-

вленный на карту удачной компаніи,—таковы послѣдствія движенія Россіи на Востокъ. Естественно, если Англія давно уже силится положить препоны русскому движенію и охотно береть подъ свое покровительство хищниковъ Азіи, лишь бы гдѣ-нибудь найти или создать для Россіи барьеръ въ ея фатальномъ, потому что почти неизбѣжномъ наступленіи въ глубь хищнической Азіи. Но только эта хищническая Азія и отдѣляетъ насъ отъ Англо-Индіи! Въ этомъ роковая сторона вопроса.

Наконецъ, еще съ одной стороны русское движеніе на Востокъ угрожаетъ Англіи или, по крайней мѣрѣ, англичане думаютъ, что можетъ угрожать. Благодаря стараніямъ Петра Великаго, Россія уже въ началѣ XV стол. стала весьма серьезною военно-морской силой, которая, къ концу вѣка при Екатеринѣ II оказалась достаточно могущественною, чтобы, сгруппировавъ вокругъ себя мелкія морскія державы, принудить самую Англію признать нѣкоторыя статьи международнаго права, которыя Англія до того рѣшительно отвергала. Затѣмъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, когда испанское морское могущество пало само собою, а французское и голландское было добито Англіей, Россія была на ряду съ Англіей единственною первоклассною морскою державою. Наконецъ, даже около эпохи восточной войны 1853—1856 гг. русское военно-морское могущество уступало только англійскому и французскому, а въ Черномъ морѣ Россія несомнѣнно господствовала нераздѣльно. Все это доказываетъ англичанамъ, что Россія способна развить довольно серьезную морскую силу, уничтоженную первою восточною вой-

ною. Въ виду этого, они находятъ въ высшей степени опаснымъ допустить Россію пріобрѣсти военно-морскія позиціи, которыя доставили-бы ей возможность возродить свое морское могущество. Такими позиціями они вполнѣ справедливо признаютъ понто-эгейскіе проливы (Босфоръ и Дарданеллы). Обладанье ими дѣлало-бы русскій флотъ неуязвимымъ ни для какого непріятеля, открывая ему вмѣстѣ съ тѣмъ выходъ въ море, которое со времени прорытія Суэзскаго перешейка стало главнымъ морскимъ путемъ въ Индію. Заботы о Понто-Эгейскихъ проливахъ съ одной стороны, о самомъ Суэзскомъ каналѣ съ другой ,заботы, связанныя съ первостепенными для Англіи вопросами невозбраннаго господства на морѣ и безпрепятственнаго сообщенія съ Индіей—составляютъ третью (изъ главныхъ) причину англійскаго соперничества съ Россіей на Востокѣ.

Непосредственная опасность потери нѣкоторыхъ второстепенныхъ восточныхъ рынковъ съ завоеваніемъ ихъ Россіей; потеря неуязвимости въ случаѣ войны съ континентальными державами вслѣдствіе сближенія англійскихъ и русскихъ владѣній въ Азіи; опасенія за господство на морѣ и безопасность морскихъ путей на Востокъ — таковы главныя причины, вызывающія англо-русское соперничество на Востокѣ. Что касается нашего движенія во внутренней Азіи, то приходится признать, что русская политика не была сознательно и преднамѣренно завоевательною. Прошлую главу я посвятилъ этой сторонѣ вопроса, и мнѣ кажется, даже изъ этого бѣглаго обзора средне-азіатской исторіи въ XIX в. ясно, до какой степени вынужденною была тутъ русская наступательная политика и до ка-

кой степени было основаніе обвинять ее въ злоумышленіяхъ противъ Индіи. Но опять таки не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что это движеніе, вынужденное или разсчитанное, сближало наши форпосты съ англійскими и приближало тотъ моментъ, когда настоящая система британскаго могущества должна оказаться несостоятельною. Кто въ этомъ виноватъ? Я уже сказалъ, что виною всего—современный политическій строй, не дозволяющій націямъ довѣрять другъ другу, а затѣмъ никто. Россія не можетъ, ради Англіи, дозволить дикимъ хищникамъ Средней Азіи безнаказанно грабить русскія окраины, парализовать разбоями русскую торговлю, захватывать въ плѣнъ и продавать въ рабство русско-подданныхъ; Россія не можетъ ради Англіи отказаться отъ покровительства близкимъ исторически и національно племенамъ, населяющимъ Европейскую Турцію, отъ стремленія упрочить миръ и спокойствіе на своихъ южныхъ границахъ, отъ желанія возродить флотъ. Но развѣ и Англія виновата въ томъ, что всѣ эти исторически необходимые шаги русской политики, каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ, наносятъ тяжкіе удары зданію англійскаго могущества и несомнѣннымъ образомъ минируютъ самое зданіе англійскаго богатства и процвѣтанія, всего экономическаго, соціальнаго и политическаго строя современной Англіи? Въ противуположности историческихъ теченій, управляющихъ судьбою двухъ великихъ народовъ, никто не виноватъ изъ современныхъ дѣятелей, но несомнѣнно нѣкоторые изъ нихъ приняли много грѣха въ обостреніи кризиса, который хотя и очень мало, но все же имѣлъ-бы шансы разрѣшиться мирнопри

обоюдномъ того желаніи. Обратимся теперь къ историческому очерку послѣдовательныхъ враждебныхъ шаговъ на Востокѣ между Россіей и Англіей.

Первые симптомы соперничества сказались еще въ XVIII стол., въ эпоху турецкихъ войнъ Императрицы Екатерины II, но тогда дѣло ограничилось одними дипломатическими интригами. Революціонныя войны отвлекли вниманіе всей Европы, въ томъ числѣ Россіи и Англіи, отъ Европейскаго Востока. Къ тому же тогда и сама Турція была довольно грозною державою и разложеніе еще только начиналось. Россія была въ союзѣ съ Англіей и вмѣстѣ они вели войну противъ республики; въ эту войну Россія вмѣшалась совершенно безъинтересно и единственно для охраненія status quo въ Европѣ. Неблаговидныя отношенія союзниковъ, австрійцевъ и англичанъ, раздражили Императора Павла и Россія не только вышла изъ коалиціи, но вступила въ переговоры съ консуломъ республики генераломъ Бонапартомъ о союзѣ противъ Англіи. Въ это время въ головѣ Императора Павла родился планъ похода на Индію для нанесенія Англіи рѣшительнаго удара на берегахъ Ганга. По русскому плану Россія выставляла 35 тысячъ человѣкъ и столько же Франція; соединенная армія направлялась изъ Россіи Каспійскимъ моремъ въ Астрабадъ въ Персіи, тутъ сосредоточивалась и далѣе направлялась черезъ Персію, Афганистанъ, Пенджабъ къ англо-индійскимъ владѣніямъ. Планъ этотъ былъ представленъ на разсмотрѣніе Наполеона, но тотъ нашелъ его вполнѣ несбыточнымъ. Дѣйствительно, тогда онъ былъ совершенно неосуществимымъ безъ предварительнаго союза съ могущественною въ

то время Персіей, но этого союза не было. Франція отказалась участвовать въ невозможной экспедиціи, но это не отклонило Павла отъ его замысла. Если онъ не былъ осуществленъ, то лишь вслѣдствіе внезапной кончины Императора. Новый-же Императоръ немедленно заключилъ миръ съ Англіей, и затѣмъ снова вступилъ въ союзъ для общей борьбы съ французской имперіей.

Замыслы Павла, однако, заставили англичанъ задуматься о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять для пресѣченія на будущее время подобныхъ попытокъ. Два пути изъ Россіи въ Индію: сѣверный черезъ Туркестанъ, южный черезъ Иранъ. Первый, нынѣ почти весь уже находящійся въ рукахъ Россіи, въ то время былъ абсолютно недоступенъ ни для какой регулярной арміи; сама природа и характеръ населенія ставили непреодолимыя преграды наступленію. Южный путь, пролегающій культурными и населенными странами съ готовыми путями сообщенія и продовольственными запасами представлялся единственно доступнымъ. Онъ былъ въ рукахъ Персіи; съ нею-то Англія и вступила немедленно въ переговоры, результатомъ которыхъ былъ договоръ 1809 г., по которому Персія обязалась не пропускать никакого войска въ Индію, за что Англія съ своей стороны гарантировала Персіи цѣлость и неприкосновенность ея владѣній противъ покушенія сосѣдей (Россіи). Въ этомъ договорѣ впервые такимъ образомъ появилась знаменитая формула „цѣлость и неприкосновенность“, которая позже стала девизомъ англійской восточной политики.

Въ эпоху этихъ первыхъ предохранительныхъ со

стороны Англіи мѣръ для прегражденія русскаго движенія въ глубь дальняго Востока, на ближайшемъ Востокѣ впервые начался тотъ рядъ событій, который нынѣ привелъ къ разложенію Оттоманской имперіи. Въ первомъ десятилѣтіи настоящаго столѣтія возмутилась Сербія и первая начала борьбу за освобожденіе; сторону Сербіи приняла Россія. Заступничество привело къ войнѣ, вспыхнувшей въ 1809 г. Занятая западными дѣлами, готовящаяся къ неизбѣжному столкновенію съ Наполеоновскою имперіею, Россія крайне вяло вела турецкую войну и послѣ трехъ лѣтъ нерѣшительныхъ, хотя и успѣшныхъ дѣйствій заключила Бухарештскій миръ, по которому пріобрѣла Бессарабію и выговорила полу-освобожденіе Сербіи. Послѣднее условіе было первымъ шагомъ Россіи по пути новой программы ея отношеній къ Турціи, по которой вмѣсто непосредственныхъ пріобрѣтеній, выдвигалось, какъ задача русской политики, освобожденіе христіанскихъ народностей Европейской Турціи, естественныхъ союзниковъ Россіи и естественныхъ наслѣдниковъ хищнической оттоманской орды, ихъ поработившей 5 стол. тому назадъ. Россія спѣшила заключить миръ, чтобы собрать всѣ свои силы для отпора уже вторгнувшагося грознаго врага; Англія не только не противодѣйствовала, но всѣми способами содѣйствовала улаженію русско-турецкой распри въ виду этогоже общаго врага.

Но общими усиліями врагъ былъ сломленъ и каждая держава вернулась въ сферу своей роковой политики, роковой, потому что фатально враждебной. Эта противоположность немедленно сказалась когда черезъ

нѣсколько лѣтъ послѣ Вѣнскаго конгресса вспыхнуло греческое возстаніе. Англія въ лицѣ своего министра *Кестльри* явилась дѣятельнымъ проводникомъ воззрѣній о необходимости status quo на Востокѣ; къ этому воззрѣнію примкнула и Австрія, а ея знаменитый *Меттернихъ* облекъ эту программу въ соотвѣтствующій времени нарядъ. Когда на одномъ изъ конгрессовъ Россія подняла вопросъ о греческомъ возстаніи, Меттернихъ доказалъ, что Европа, рѣшившаяся всюду поддерживать законныхъ монарховъ, была-бы непослѣдовательна, если бы на Балканскомъ полуостровѣ дѣйствовала иначе, нежели на Аппенинскомъ и Пиренейскомъ, гдѣ именно въ это время войска священнаго союза подавляли народныя движенія. Подъ давленіемъ конгресса Россія уступила и предоставила балканскихъ христіанъ собственнымъ силамъ. Это было въ началѣ 20-хъ годовъ, но долго это не могло продолжиться; логика событій привела Россію снова въ русло ея традиціоннаго и предопредѣленнаго движенія на Востокъ и притомъ не только по направленію Турціи, но и Персіи и Дальней Азіи.

Столкновеніе съ Персіей даже опередило турецкую войну. Фанатики Тегерана убили въ 1825 году русскаго посла (поэта Грибоѣдова) и бросили вызовъ Россіи. Одна кампанія рѣшила борьбу; быстрота катастрофы могущественнаго персидскаго царствв, его слабость и беззащитность передъ русскимъ наступленіемъ поразили весь міръ Востока и Запада и саму Персію. Шахъ просилъ мира и получилъ его цѣною уступки сѣверо-западныхъ при-каспійскихъ провинцій (нынѣ губерніи Елисаветпольская, Эриванская, Бакинская)

и значительной контрибуціи. Англо-персидскій договоръ 1809 г. остался мертвою буквою; въ Тегеранѣ убѣдились, что Англія не въ состояніи гарантировать Персію отъ русскаго наступленія и уже съ этого времени стали искать сближенія съ Россіей. Миръ съ Персіей былъ возстановленъ въ 1827 г.; событія слѣдующихъ затѣмъ двухъ лѣтъ (разгромъ Турціи въ 1828—29 гг.) могли только укрѣпить обаяніе Россіи въ Тегеранѣ.

Греческое возстаніе привело къ этому разгрому. Подавляя возставшихъ христіанъ, турки, конечно, пустили въ ходъ обыкновенныя на Востокѣ репрессаліи въ видѣ поголовныхъ избіеній, опустошеній etc. Европа, послушная воззрѣніямъ Кестльри и Меттерниха, находила все это въ порядкѣ вещей и видѣла въ этомъ лишь средства для возстановленія законныхъ властей. Турки долго злоупотребляли этимъ послушаніемъ Европы и Россіи „консерватизму“ вѣнской и лондонской политики, но въ 1827 г. турки на островѣ Хіосѣ превзошли самихъ себя и устроили избіеніе въ такихъ размѣрахъ и среди такихъ обстоятельствъ, что вся христіанская Европа содрогнулась отъ ужаса. Къ тому же въ Англіи смѣнилось министерство и на мѣсто Кестльри иностранная политика перешла въ руки гуманнаго Каннинга. Въ послѣдствіе хіосскихъ сценъ Россія, Англія и Франція выслали эскадры въ турецкія воды съ цѣлью предупрежденія новыхъ ужасовъ. Ослѣпленные своимъ восточнымъ невѣжествомъ, турки аттаковали соединенную эскадру трехъ державъ и при Наваринѣ потеряли весь свой флотъ, сожженный соединенными усиліями русскихъ, французскихъ

и англійскихъ моряковъ. Этотъ разгромъ вызвалъ новый взрывъ возстанія и за симъ объявленіе Турціей войны Россіи. Я не пишу военной исторіи восточныхъ событій, и для нашей цѣли довольно отмѣтить, что въ двѣ кампаніи Турція и въ Европѣ и въ Азіи потерпѣла дотолѣ неиспытанное пораженіе. Армія Дибича перешла Балканы и утвердилась въ Адріанополѣ, но эти военные успѣхи далеко не соотвѣтствовали политическимъ послѣдствіямъ войны. Россія въ эпоху войны 1827—29 гг. была не менѣе связана Европою, если не болѣе, чѣмъ въ войну 1877 года. Каннингъ умеръ и либеральное министерство его друзей пало, смѣненное старо-торійскими столпами, которые вполнѣ возвратились къ политикѣ Кестльри (тоже умершаго). Англійская дипломатія заработала; сманить Австрію было не трудно; Франція была тоже обезпокоена возрастаніемъ русскаго могущества на Средиземномъ морѣ. Грозная коалиція готова была образоваться противъ Россіи, которая избѣгла ее, какъ говорятъ, только вслѣдствіе личныхъ чувствъ французскаго короля Карла X, весьма расположеннаго къ Россіи. Вступивъ въ личныя сношенія съ русскимъ Императоромъ, Карлъ получилъ обѣщаніе не разрушать Турціи и не дѣлать никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Европѣ. Это обѣщаніе, въ точности выполненное Россіей, спасло ее отъ коалиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ спасло Турцію отъ паденія. Адріанопольскій миръ вполнѣ возстановилъ державу султана, выговоривъ вассальную автономію Молдавіи, Валахіи, Сербіи и Греціи. Вслѣдствіе вмѣшательства Англіи, Греція была объявлена независимою, но за то уменьшена на половину; боль-

шая Грецiя казалась опасною торiйскому министерству. Сама Россiя исправила лишь границу въ Азiи и пріобрѣла дунайскiе острова. Освобожденiе грековъ, румынъ и сербовъ было главнымъ прочнымъ результатомъ тягостной войны, но временнымъ ея послѣдствiемъ было совершенно непомѣрное возвышенiе обаянiя Россiи на Востокѣ. Два одинъ за другимъ разгрома двухъ самыхъ могущественныхъ государствъ Востока, Персiи и Турцiи, должны были произвести потрясающее дѣйствiе на впечатлительные умы жителей Востока. Видимое безсилiе Англiи остановить Россiю совершенно отвратило политиковъ Востока отъ Лондона и заставило ихъ искать сближенiя съ Россiей. Это сближенiе выразилось уже въ 1832 г. знаменитымъ Ускіаръ-Скеллессiйскимъ договоромъ между Россiей и Турцiей; поэтому договору обѣ державы заключали между собою союзъ, Россiя обязалась охранять Турцiю отъ всякихъ покушенiй извнѣ, а Турцiя должна была запереть Дарданеллы для всѣхъ военныхъ флотовъ. При господствѣ русскаго флота на Черномъ морѣ и открытыхъ лишь для него одного проливахъ, эта статья договора была едва-ли не важнѣйшею. Русско-турецкiй союзъ встревожилъ Англiю, которая не могла не сознавать всей опасности его и для англiйскаго морскаго первенства въ Средиземномъ морѣ, и для англо-индiйскихъ владѣнiй. Но еще болѣе была обезпокоена Англiя тѣснымъ сближенiемъ Россiи съ Персiей и покровительствомъ, которое, повидимому, оказывала Россiя расширенiю персидской имперiи по направленiю на Афганистанъ. Персидское правительство замышляло въ это время возвратить отнятыя у Персiи

афганцами провинціи восточнаго Ирана (Хорасанъ, Сеистанъ и др.); намѣреній своихъ въ Тегеранѣ не скрывали и русское посольство одобряло ихъ. Надо еще вспомнить, что въ это же время (въ 30-хъ годахъ) была рѣшена Россіей экспедиція на Хиву, и мы вполнѣ поймемъ тревогу Англіи. Россія и Персія одновременно и при взаимной поддержкѣ замышляли движеніе на Востокъ, приближающее ихъ къ границамъ Индіи. Русско-турецкій союзъ обезпечилъ Россію съ юга и, въ случаѣ войны съ Англіей, доставлялъ ей сильный военно-морской базисъ. Словомъ, въ Англіи не знали, имѣла-ли Россія намѣреніе отнимать Индію у англичанъ, но видѣли, что обстоятельства въ Азіи (и Европѣ) складываются такъ, что если дать утвердиться этому порядку вещей, то развѣ отъ одной доброй воли Россіи будетъ зависѣть не трогать англичанъ. Дѣйствительно, половина 30-хъ годовъ была эпохою, когда русское вліяніе на Востокѣ (какъ и значеніе въ Европѣ) достигло апогея, кульминаціоннаго пункта своего развитія. Никогда прежде, никогда послѣ Россія не была столь могущественна на Востокѣ и не внушала народамъ Востока столь полнаго обаянія. Съ другой стороны, значеніе Англіи дошло до minimum'а, не смотря на непрестанную, энергическую восточную политику. Важный успѣхъ, достигнутый Англіей въ Тегеранѣ въ 1809 г. и обезпечившій Индію отъ покушенія изъ Европы, былъ уничтоженъ русско-персидскою войною 1826 г, и Персія подпала подъ полное вліяніе Россіи; значительное вліяніе, которымъ располагала Англія въ совѣтахъ Блистательной Порты оттоманской, было разрушено успѣхами русскаго оружія 1828—

29 гг. и окончательно вытѣснено Ускіаръ-Скеллессійскимъ союзнымъ трактатомъ, регулировавшимъ вдобавокъ въ исключительную пользу Росссіи мореходство въ Понто-Эгейскихъ проливахъ.

Россія тридцатыхъ годовъ, т. е. держава военная, ультра-консервативная, завоевательная, эта Россія взяла тогда въ свои руки, черезъ посредство турецкаго союза, ключъ къ Средиземному морю и, черезъ посредство Персіи, стала на полпути къ Индіи. Афганскій походъ персіянъ и хивинская экспедиція русскихъ должны были, повидимому, предоставить въ руки Россіи весь этотъ индо-европейскій континентальный путь. Было отчего встревожиться въ Лондонѣ, хотя бы и не было никакихъ основаній предполагать въ Россіи преднамѣреннаго умысла противу Индіи. Отдаваться на добрую волю русскаго правительства англичане не имѣли ни малѣйшаго желанія. И вотъ мы видимъ, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ Англія принимаетъ поспѣшно мѣры предосторожности и вступаетъ окончательно и безповоротно на путь сознательнаго соперничества съ Россіей на Востокѣ. Соперничество сказалось еще съ конца прошлаго столѣтія и довольно ярко обнаружилось въ эпоху русско-турецкой войны 1828—29 гг., но только послѣ этой войны, повидимому, поняли въ Лондонѣ, что приходится это инстиктивное и случайное соперничество превратить въ систему. Когда это поняли, то рѣшились немедленно привести въ исполненіе и съ свойственною Британіи энергіею и постоянствомъ принялись за проведеніе программы систематическаго противодѣйствія Россіи на Востокѣ. Въ высшей степени

энергическая, хотя и не всегда искусная политика эта наполняетъ собою два десятилѣтія, предшествовавшія и подготовившія первое великое столкновеніе Европы на Востокѣ, Крымскую войну 1853—56 гг.

Я уже упомянулъ выше, что около половины тридцатыхъ годовъ XIX в. Россія достигла наибольшаго вліянія на Востокѣ. Жестокія пораженія, нанесенныя ею двумъ могущественнѣйшимъ имперіямъ мусульманскаго міра, пріобрѣли ей это значеніе. Ускіаръ-Скеллесійскій союзный договоръ 1832 года закрѣпилъ его въ Турціи, а въ Персіи утверждалось оно все болѣе и болѣе, благодаря политикѣ русскаго посланника въ Тегеранѣ Симонича, явно покровительствовавшаго расширенію владѣній шаха на Востокѣ. Это политическое преобладаніе Россіи на Востокѣ пріобрѣтало особое значеніе въ виду не менѣе полнаго преобладанія ея на Западѣ. Священный союзъ, который въ концѣ 20-хъ годовъ былъ готовъ разложиться изъ-за турецко-восточнаго вопроса, возродился въ 30-хъ годахъ съ новою силою. Польское возстаніе 1830 года сблизило три державы, обладавшіе польскими провинціями; французская іюльская революція и низверженіе преданныхъ идеямъ священнаго союза Бурбоновъ испугали кабинеты Вѣны и Берлина. Но эти двѣ революціи были не единственными проявленіями народныхъ и національныхъ освободительныхъ движеній. Бельгія отложилась отъ Нидерландовъ. Волненія и смуты то и дѣло вспыхивали въ различныхъ мелкихъ государствахъ Италіи и угрожали австрійскому преобладанію на Апенинскомъ полуостровѣ. Въ Германіи тоже проявлялось повсемѣстно либеральное и національное дви-

женіе. Переворотъ во Франціи и успѣхъ Бельгіи могли только поощрить всѣ эти итальянскія и германскія движенія. Словомъ, ультра-консервативному правительству Австріи было о чемъ заботиться, чего опасаться, къ чему готовиться, а кто же кромѣ Россіи могъ оказать необходимую поддержку Габсбургской державѣ? Священный союзъ снова сталъ необходимъ для Австріи, не желавшей никакихъ перемѣнъ въ Италіи и Германіи. Вѣнскій кабинетъ долженъ былъ поэтому отложить заигрываніе съ либеральными западными державами по восточному вопросу и тѣснѣе примкнуть къ Россіи, скрѣпя сердце подчиняясь нѣсколько жесткой гегемоніи Императора Николая. Нѣсколько позднѣе въ Вѣнѣ возобладало мнѣніе, что чортъ вовсе не такъ страшенъ, какъ его малюютъ и интриги противъ русско-восточной политики были возобновлены, но въ 30-хъ годахъ Австрія несомнѣнно очень была напугана революціями французскою, бельгійскою, польскою и либеральными движеніями Италіи и Германіи, что заставляло ее искреннѣе, чѣмъ когда-либо держаться священнаго союза, предоставляя въ немъ старшинство Россіи. Пока же священный союзъ оставался прочнымъ, остальная Европа могла только стоять въ опозиціи, безсильная нанести серьезный ударъ русской гегемоніи.

Этимъ путемъ въ тридцатыхъ годахъ XX вѣка русское политическое преобладаніе въ Европѣ также, какъ и въ Азіи, было несомнѣннымъ и рѣшительнымъ, опираясь въ Европѣ на союзъ съ Австріей и Пруссіей, а въ Азіи на союзъ съ Турціей и Персіей. Я упомянулъ о преобладаніи Россіи въ Европѣ для того,

чтобы показать, что Англія въ своей борьбѣ противъ Россіи на Востокѣ не могла никоимъ образомъ опереться на европейскія комбинаціи. Парализовать русское могущество на востокѣ и остановить русское движеніе было тогда невозможно созданіемъ противувѣса на Западѣ, какъ это было сдѣлано въ 1829 году, какъ это позднѣе было два раза повторено въ 1853 и 1878 годахъ. Англіи приходилось вступать въ борьбу одной и она это сдѣлала. Благодаря обычной энергіи, искусной политикѣ и нѣкоторымъ счастливымъ случайностямъ, она достигла замѣчательнаго результата, успѣвъ поколебать русское вліяніе и возстановить свое собственное. Два десятилѣтія настоящаго столѣтія, предшествовавшіе первой восточной войнѣ, наполнены этими усиліями англійской политики, принесшей столь важные плоды и подготовившей пораженіе Россіи.

Мы видѣли выше, что русское движеніе на Востокъ опасно Англіи преимущественно съ трехъ сторонъ 1) завоеваніемъ англійскихъ торговыхъ рынковъ Россія стѣсняетъ свободу англійской торговли, создаетъ искусственно неблагопріятныя условія англійской промышленности и тѣмъ наноситъ ущербъ богатству и благосостоянію Англіи, какъ она нынѣ сложилась, 2) угрозою овладѣнія Понто-Эгейскими проливами становится на пути въ Индію и пріобрѣтаетъ условія для возвышенія на уровень первоклассной морской державы, чѣмъ бросаетъ тѣнь на морскую монополію Англіи и въ корнѣ подрываетъ основы ея могущества и 3) приближеніемъ своихъ границъ къ границамъ Индустана лишаетъ Англію ея неуязвимости и

минируетъ всю ея колоніальную систему и основанное на ней богатство. А между тѣмъ въ тридцатыхъ годахъ Россія была очень близка къ осуществленію существенныхъ пунктовъ этой столь опасной для Англіи программы. Ускіеръ-Скелессійскій договоръ съ Турціей открывалъ Понто-Эгейскіе проливы для русскаго флота и закрывалъ для всѣхъ остальныхъ флаговъ. Союзъ съ Персіей обезпечивалъ лучшій путь въ Индію, а стремленіе Персіи къ овладѣнію Гератомъ лишь улучшало этотъ путь. Выходъ русскихъ форпостовъ на Сыръ-Дарью и замышлявшійся походъ на Хиву должны были открыть Россіи и второй путь въ Индію, черезъ Туркестанъ. Такимъ образомъ, ближайшая задача Англіи сводилась къ уничтоженію Ускіеръ-Скелессійскаго соглашенія о Понто-Эгейскихъ проливахъ, къ организаціи баррьера русскому движенію въ Туркестанъ и къ освобожденію Персіи изъ подъ исключительнаго вліянія Россіи. Въ Англіи очень быстро поняли логику своего поведенія, немедля приступили къ дѣлу и рѣшились искать новыхъ оплотовъ противъ опаснаго могущества Россіи.

Независимыя мусульманскія государства Средней Азіи и воинственныя разбойничьи племена туркменскихъ номадовъ представились англичанамъ первымъ такимъ оплотомъ противъ Россіи. Но разрозненныя и взаимно враждующія, эти государства и племена легко могли стать добычею Россіи, какъ то и случилось въ настоящее время. Въ Англіи это предвидѣли и, озабочиваясь образованіемъ надежнаго баррьера между Россіею и Индіею, не могли не стремиться сплотить Туркестанъ противъ Россіи. Идея средне-азіатской коалиціи подъ по-

кровительствомъ Англіи и противъ Россіи очень сильно занимала англійскихъ политиковъ тридцатыхъ годовъ. Въ 1832 году была снаряжена миссія подъ начальствомъ *Борнса*, назначеніе которой было посѣтить Кабулъ и Бухару и обслѣдовать почву, насколько она удобна для осуществленія этой идеи. Эта поѣздка наблюдательнаго и образованнаго путешественника имѣла большое научное значеніе, проливъ свѣтъ на страны, дотолѣ извѣстныя лишь по описаніямъ древнихъ и арабскихъ географовъ, но политическихъ плодовъ не принесла. Принятъ былъ Борнсъ очень недовѣрчиво и почти враждебно. Было очевидно, что соединить въ одномъ дѣйствіи рядъ варварскихъ государствъ, постоянно враждовавшихъ между собою, вовсе не угрожаемыхъ еще Россіею и относящихся съ фанатическою нетерпимостью къ Англіи столько же, сколько и къ Россіи, что эта мысль была иллюзіею, и неосуществимою, и опасною для самой Англіи, которую варвары могли заподозрить въ коварныхъ замыслахъ, скрываемыхъ подъ личиною непрошенной дружбы. Въ сущности такъ и случилось. Снарядивъ послѣ первой миссіи Борнса, вторую миссію его же въ Кабулъ, Стоддарта — въ Бухару, Конолли—въ Бухару, Хиву и Коканъ, Аббота—въ Хиву, Англія, несмотря на всю эту удивительную энергію и дѣятельность, не только не добилась никакой анти-русской коалиціи, но даже потеряла двухъ своихъ пословъ, Стоддарта и Конолли, казненныхъ въ Бухарѣ по приказу эмира Насръ- Уллы. Абботъ въ Хивѣ едва избѣгъ той же участи. Чтобы выручить изъ Бухары спутниковъ несчастныхъ Стоддарта и Конолли Англія должна была обратиться

къ любезности Россіи, которая и вытребовала ихъ. Но эти видимыя неудачи въ сущности однако завершились полнымъ успѣхомъ. Всестороннее политическое изслѣдованіе Туркестана обнаружило, что страны эти не могутъ служить удобнымъ готовымъ уже путемъ въ Индію. Варвары Хивы, Бухары и Кокана конечно не были нимало расположены пропустить русскую армію. Тѣмъ менѣе можно было разсчитывать на Туркменовъ и даже Киргизовъ, въ то время еще совсѣмъ неумиротворенныхъ. Къ тому же громадныя безплодныя и безводныя пустыни, высокіе трудно проходимые кряжи горъ и быстрыя могучія рѣки лежали на этомъ пути и дѣлали его недоступнымъ для арміи, которая двинулась бы прямо изъ Оренбурга, не имѣя другаго базиса, кромѣ Европейской Россіи. Въ Англіи поняли, что Туркестанъ долженъ быть предварительно завоеванъ и умиротворенъ, чтобы стать возможнымъ путемъ къ границамъ Индостана. Въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ находился тогда, онъ былъ лучшимъ возможнымъ баррьеромъ между Россіей и Индіей. Значеніе этого оплота еще болѣе усилилось послѣ неудачи русской экспедиціи въ Хиву въ 1839 году. Хищническіе набѣги хивинцевъ и захватъ русскихъ въ рабство вынудили Россію снарядить противъ Хивы экспедицію, которая погибла, не дойдя до оазиса, отъ холода и мятели. Походъ не былъ возобновленъ и обаяніе Россіи сильно пострадало, а враждебное настроеніе средне-азіатскихъ государствъ лишь усилилось.

Работая надъ загражденіемъ Россіи сѣвернаго пути въ Индію, Англія не могла оставаться равнодуш-

*

ною и къ южному пути черезъ Персію и Афганистанъ. Мы уже уже видѣли, что Англія снаряжала въ Кабулѣ двѣ миссіи одну за другою, съ цѣлью укрѣпить свое вліяніе въ этой ближайшей къ Индіи странѣ по пути изъ Россіи. Но постоянныя междоусобія, волновавшія въ это время Афганистанъ, мѣшали установиться прочному вліянію и Англія постоянно смотрѣла съ опасеніемъ на афганцевъ, когда появленіе въ Кабулѣ нѣкоего Виткевича, бывшаго офицера русской службы, такъ взволновало англичанъ, что они рѣшились вмѣшаться во внутреннія дѣла Афганистана, съ цѣлью установить режимъ, болѣе благопріятный англійскимъ интересамъ. Виткевичъ былъ авантюристомъ, котораго судьба Богъ вѣсть какъ занесла въ Кабулъ, но гдѣ онъ, какъ подданный русскаго Царя, быстро пріобрѣлъ вліяніе и почетъ. Тогда въ Афганистанѣ царствовала анархія вслѣдствіе паденія династіи Дурани, основавшей афганское царство въ концѣ XVIII в. Низверженная сердарями (феодалами) династія эта не была ни кѣмъ замѣнена и страна управлялась каждымъ сердаремъ вполнѣ самостоятельно. Такихъ сердарей было шесть въ Кабулѣ, Джелалабадѣ, Пешаверѣ, Кашмирѣ, Газнѣ и Кандахарѣ. Гератъ остался въ рукахъ представителя низверженной династіи Камрана, а другой претендентъ Шеджа бѣжалъ въ Индію и жилъ англійскимъ пенсіонеромъ. Распаденіе Дуранійской державы возбудило апетиты у сосѣдей. Бухара стремилась утвердиться въ Афганскомъ Туркестанѣ; Сейки завоевали Пешаверъ и подчинили Кашмиръ, которые съ тѣхъ поръ и были потеряны афганцами; Персія рѣшилась завладѣть Гератомъ. Изъ ос-

тавшихся четырехъ сердарей наибольшимъ вліяніемъ и силою пользовался Кабульскій Достъ-Магометъ, который къ концу тридцатыхъ годовъ и успѣлъ установить свое первенство и даже принялъ титулъ эмира (т. е. князя, тогда какъ дуранійская династія носила титулъ шаха). Сюда-то въ Кабулъ и прибылъ Виткевичъ. Сердари приняли его очень почетно и склонны были подъ его вліяніемъ просить протектората Россіи. Въ Англіи ударили набатъ. Въ Петербургъ былъ посланъ запросъ о дѣйствіяхъ Виткевича. Русское правительство конечно отреклось отъ солидарности съ Виткевичемъ и Англія рѣшила военную экспедицію въ Кабулъ. Задачей экспедиціи должно было быть возстановленіе Дуранійской династіи въ лицѣ *Шеджи*, который и явился бы для Индіи надежнымъ союзникомъ и оплотомъ. Афганская экспедиція, предпринятая единовременно съ русскою хивинскою, должна была, повидимому уравновѣшивать и эту послѣднюю, если бы она удалась (въ чемъ Англія не могла сомнѣваться). Въ противуположность хивинскому походу походъ афганскій, встрѣчный первому, удался вполнѣ. Сердари были разбиты, Достъ-Магометъ Кабульскій бѣжалъ и Шеджа водворенъ на престолѣ державы его предковъ. Англійскіе гарнизоны были оставлены въ Кабулѣ, Джелалабадѣ и Кандахарѣ для поддержанія новаго властителя. Англійскій агентъ поселился въ Кабулѣ подъ охраною цѣлой небольшой арміи и имѣлъ рѣшающій голосъ въ политическихъ дѣлахъ страны. Шахъ Шеджа былъ лишь номинальнымъ властителемъ Афганистана, а дѣйствительными хозявами оказались англичане. Свободолюбивые и буйные горцы не могли вынести этого ре-

жима и въ 1840 году вспыхнуло возмущеніе. Слабые англійскіе гарнизоны были перебиты, а армія, стоявшая въ Кабулѣ потерпѣла жестокое пораженіе въ Хурд-Кабульскихъ тѣснинахъ между Кабуломъ и Джелалабадомъ. Вторая афганская экспедиція въ 1842 году жестоко отомстила афганцамъ, но на этотъ разъ англичане не остались въ Афганистанѣ и не посадили Шеджу, а предоставили возвратиться эмиру Достъ-Магомету, который заключилъ съ Англіей союзъ и все время держался англійской дружбы, наученый горькимъ опытомъ своего увлеченія при Виткевичѣ. Успѣхи англичанъ въ Афганистанѣ, видимое безсиліе Россіи поддержать Виткевича (представлявшагося азіатцамъ русскимъ агентомъ) и несчастный исходъ хивинской экспедиціи — все это должно было сильно подорвать обаяніе Россіи и возвысить значеніе Англіи на Востокѣ. Къ тому же результату приводили и персидскія дѣла.

Мы уже упомянули выше, что въ эпоху афганскихъ междоусобій во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ, Персія задумала воспользоваться этими неурядицами, чтобы отнять у афганцевъ Гератъ. Русскій посолъ въ Тегеранѣ Симоничъ явно поощрялъ шаха въ его наступательной политикѣ на востокѣ, такъ что Персія, находившаяся въ то время подъ полнымъ вліяніемъ Россіи, имѣла нѣкоторое основаніе разсчитывать, что Россія поддержитъ ее въ Гератскомъ вопросѣ. Но дать Гератъ Персіи въ то время значило открыть русской кавказской арміи лучшій путь наступленія на Индію. Англія не могла допустить этого безъ отчаянной борьбы. Сначала она пробовала парализировать русское вліяніе въ Тегеранѣ, но безуспѣш-

но; потомъ обратилась уже прямо въ Петербургъ и послѣ нѣкотораго періода щекотливыхъ переговоровъ прямо поставила вопросъ ребромъ. 4 мая 1838 года была отправлена въ Петербургъ рѣшительная нота. Россія уступила; посланникъ Симоничъ былъ отозванъ изъ Тегерана и Персія предоставлена себѣ самой. Тогда Англія отправила десантъ въ Персидскій заливъ и разбитая Персія сняла осаду Герата и вывела войска изъ Афганистана. Этотъ эпизодъ произвелъ полный переворотъ во взаимномъ положеніи Россіи и Англіи въ Персіи. Какъ послѣ русско-персидской войны 1826 году Англія, не защитившая Персію вопреки союзному договору 1809 года, потеряла всякое значеніе въ совѣтахъ шаха, такъ теперь, послѣ англо-персидской войны 1838 года Россія, толкнувшая Персію на Гератъ и не защитившая ее на этомъ пути, лишилась недавняго обаянія, которое снова перешло къ Англіи.

Такимъ образомъ, конецъ тридцатыхъ и начало сороковыхъ годовъ обозначилось слѣдующими фактами: неудача русскаго предпріятія противъ Хивы; неудача авантюры Виткевича и жестокое наказаніе, понесенное афганцами отъ англичанъ за увлеченіе идеей русскаго протектората; неудача русской политики въ Персіи и англо-персидская война, окончившаяся паденіемъ русскаго вліянія въ Тегеранѣ. Если къ этому прибавить бунтъ киргизовъ подъ начальствомъ Кениссары, на время потрясшій русскую власть даже въ Киргизскихъ степяхъ и англо-китайскую войну, поднявшую престижъ Англіи на дальнемъ Востокѣ, то мы легко увидимъ, что разсматриваемый періодъ от-

личается быстрымъ возвышеніемъ значенія Англіи и паденіемъ значенія Россіи на Востокѣ. Персія, Туркестанъ и Афганистанъ превратились подъ вліяніемъ искусной, настойчивой и рѣшительной британской политики, въ связи съ невниманіемъ Россіи къ азіатскимъ вопросамъ, въ солидные барьеры между Россіей и Индіей, которая къ концу первой половины XIX вѣка была снова вполнѣ изолирована отъ континентальной европейской арміи. Эти успѣхи Англіи и неудачи Россіи не могли не производить своего вліянія и на европейскій Востокъ. По мѣрѣ того, какъ русское вліяніе падало въ Средней Азіи, Кабулѣ, Тегеранѣ, оно не могло не падать и въ Стамбулѣ и скоро отъ него не осталось и слѣда. Ускіеръ-Скелессійскаго союза не было возобновлено и Понто-Эгейскіе проливы снова закрылись для русскаго флота. Этого закрытія впрочемъ добивалась не одна Англія; Франція и Австрія, какъ средиземно-морскія державы, были заинтересованы едва-ли не болѣе даже въ недопущеніи возникновенія средиземно-морской державы, каковою явилась бы Россія, если бы свобода проливовъ была за нею обезпечена. Результатомъ ослабленія русскаго вліянія на Востокѣ и упомянутыхъ европейскихъ комбинацій и явилась въ это время знаменитая конвенція о Понто-Эгейскихъ проливахъ, которая въ существенныхъ чертахъ и по сію пору регулируетъ судоходство въ проливахъ. Турція обязалась передъ соединенною Европою закрыть проливы для какихъ бы то ни было военныхъ флотовъ. Россіи закрывался выходъ изъ Чернаго моря, но въ замѣнъ того ей гарантировалась недоступность и Чернаго моря для враждебныхъ фло-

товъ. Какъ велика эта гарантія, мы испытали въ 1853 и 1878 гг. и вѣроятно скоро испытаемъ снова.

Такимъ-то образомъ, къ шестидесятымъ годамъ значеніе Россіи на Востокѣ было потрясено и, чтобы пасть совершенно, требовалось лишь нанести рѣшительный ударъ. Первая восточная война и была такимъ ударомъ. Правда, ея причины коренятся больше въ стремленіи Европы освободиться отъ русской гегемоніи на Западѣ, но и англійское стремленіе разрушить русское значеніе въ Азіи было тоже немаловажнымъ факторомъ. Мы не излагаемъ дальнѣйшихъ русско-англійскихъ отношеній на Востокѣ. Они у всѣхъ на памяти и хорошо извѣстны. Въ результатѣ этихъ соперничающихъ теченій оказалось однако что Россія, не возстановившая доселѣ былаго значенія въ Европѣ, реабилитировалась въ Азіи. Кавказъ и Туркестанъ покорены и умиротворены. Персія обойдена и русскіе вышли на границы Афганистана. Наступилъ моментъ, когда Индія стала уязвима для континентальной европейской арміи. Англія лишается своей монополіи. Согласится-ли Англія на это безъ войны, или рѣшится рискнуть войною, чтобы попытаться отбросить русскія границы и снова возстановить свою неуязвимость? Несомнѣнно, что, если войнѣ суждено возгорѣться, то конечно какой нибудь *Пенде* или даже *Гератъ* будутъ лишь поводами, а дѣйствительною причиною явится борьба за монопольное исключительное политическое положеніе Англіи. Несомнѣнно также, чтоесли война теперь и не возгорится, и Англія согласится на всѣ желанія Россіи, то все же она ни въ какомъ случаѣ не согласится навсегда отказаться отъ надежды воз-

вратить себѣ былую монополію неуязвимости и воспользуется первыми серьезными замѣшательствами Россіи въ Европѣ, чтобы достигнуть своей цѣли, какъ это она сдѣлала въ 1853 году. Несомнѣнно поэтому, что покуда Англія свою внутреннюю жизнь, свое богатство и свое могущество строитъ на нынѣшнихъ основахъ, нами выше очерченныхъ, до тѣхъ поръ война между Россіею и Англіею вполнѣ неизбѣжна и является лишь вопросомъ времени. Только существенныя внутреннія преобразованія Англіи, политическія (въ смыслѣ напримѣръ равноправной федераціи колоній и метрополіи) и соціальныя (переворотъ въ распредѣленіи покупательной способности различныхъ классовъ), могутъ спасти ее и насъ отъ роковой необходимости борьбы на жизнь и смерть. Такая борьба между ландлордомъ и капиталистомъ съ одной стороны и русскимъ мужикомъ съ другой предписывается всею логикою исторіи обоихъ государствъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ *И. С. Тургенева.* 25 сказокъ, иллюстрированныхъ множествомъ рисунковъ Спб. 1885 г. Цѣна въ папкѣ **2 р. 50 к.** Въ переплетѣ—**3 р.**

Черные богатыри. *Е. Конради.* Жизнь рудокоповъ на землѣ и подъ землей. Со множествомъ рисунковъ. Спб. 1885 г. **Ц. 2. р.** Въ переплетѣ—**2 р. 75 к.**

Задушевные разсказы. *П. Заводимскаго.* Два тома съ 136 рисунками *М. Малышева.* Цѣна каждаго тома въ папкѣ—**1 р. 50 к.** Въ переплетѣ—**2 р.**

Хорошіе люди. Сборникъ разсказовъ для средняго и старшаго возрастовъ. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рисунками художниковъ *В. Шпака* и *М. Малышева.* Цѣна въ красивой папкѣ **1 р. 50 к.** Въ переплетѣ—**2 р.**

Изъ жизни и исторіи. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ *А. Арсеньева.* Съ рис. *И. Панова* и *В. Крюкова.* Цѣна въ папкѣ **1 р. 50 к.** Въ переплетѣ—**2 р.**

Послушаемъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ для млад. и сред. возраста *А. Нольде.* Съ 28 рис. Спб 1883 г. Цѣна въ папкѣ **1 р.** Въ переплетѣ—**1 р. 50 к.**

Дѣтскій маскарадъ. Передѣлка съ англійскаго *Н. Азбелева.* Съ 16 рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Цѣна **20 к.**

Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* Цѣна **50 к.**

Жизнь Робинзона. Составилъ *Н. Блиновъ.* Спб. 362 стр. съ 126 картинками 2-е изд. Спб. 1885 г. Цѣна **1 р.** Въ папкѣ—**1 р. 25 к.** Въ перепл. **1 р. 50 к.**

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинахъ) *Ф. Павленкова.* 10 листовъ (на каждомъ по 20 рисунковъ). Цѣна **1 р.** Объясненіе къ нимъ **5 к.**

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Переводъ съ франц. подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. Спб. 1885 г. 2-е изд. Цѣна **2 р.**

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. Сост. *А. Цвѣтковъ.* Съ 27 портретами и краткимъ біографич. словаремъ. 616 стр. Цѣна **3 р.** Въ переплетѣ **3 р. 75 к.**

Очерки новѣйшей исторіи. *И. И. Григоровича.* 4-е изданіе, значительно дополненное и доведенное по изложенію историческихъ событій до 1883 г. Съ 45 портретами. Цѣна **2 р.** Въ переплетѣ—**2 р. 75 к.**

Научныя развлеченія. Знакомство съ законами природы путемъ игръ и опытовъ, не требующихъ спеціальныхъ приборовъ. Составилъ *Г. Тисандье.* Перев. съ франц. подъ редакціей *Ф. Павленкова.* 2-е значительно дополненное изданіе. Спб. 1885 г. 400 стр. съ 353 рисун. Цѣна **2 р.** Въ переплетѣ—**2 р. 75 к.**

Математическіе софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что дважды два пять, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ *В. Обреимовъ.* Цѣна **40 к.**

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Приложеніе ариѳметики, геометріи, и алгебры къ различнымъ вопросамъ, играмъ и забавамъ. Перев. съ франц.. *В. Обреимова.* 206 стр. Съ 55 фигурами и таблиц. Цѣна **1 р.** Въ переплетѣ **1 р. 75 к.**

Тройная головоломка. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ Съ 300 рисун. Цѣна книги съ приложеніемъ 39 картонныхъ кастетъ—**1 р.**

Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Переводъ подъ редакціей проф. *Мечникова.* Съ 345 рис. Цѣна **1 р.** Въ папкѣ **1 р. 15 к.**; въ перепл. **1 р. 35 к.**

Образовательное путешествіе. Живописные очерки отдаленныхъ странъ *С. Ворисфера.* Спб. 1885 г. 500 стр. съ 73 рисунками въ текстѣ. Цѣна **2 р.** Въ переплетѣ—**2 р. 50 к.**

Вечерніе досуги. *А. Круглова.* Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для дѣтей. Съ 70 рисун. Спб. 1885 г. Цѣна въ папкѣ **1 р. 50 к.** Въ переплетѣ—**2 р.**

Искры Божьи. Біографическіе очерки *А. Островинской* (Новиковъ, Бѣлинскій, Жуковскій, Щепкинъ, Ершовъ, Сѣряковъ.—Сервантесъ, Свифтъ). Съ 8 портретами. Цѣна въ папкѣ **1 р. 50 к.** Въ перепл.—**2 р.** Первые 6 очерковъ продаются отдѣльно по **20 к.**

Рыжій графъ. . . .
Неразлучники. . . .
Дочь угольщика. . .
Изъ «Задушев. разсказ.» *П. Засодимскаго.* Въ каждомъ разск. отъ 11 до 22 рисун. Цѣна по **35** коп.

Янки вологодскаго уѣзда *А. Круглова.* Съ 6 рис. П. **25** коп.

Наглядная азбука. (Чтеніе и письмо по картинкамъ). *Ф. Павленкова.* Азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу, съ **800** рисунками въ текстѣ и краткимъ наставленіемъ для учителя. **Ц. 20 к.**

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ“, или *подробное* наставленіе, какъ учить по «Наглядной азбукѣ», 6-е изданіе. **Цѣна 15 к.**

Родная азбука. *Ф. Павленкова.* 5-е изданіе, 32 страницы малаго формата съ **200** рисунками и наставленіемъ, какъ учить по этой азбукѣ. **Цѣна 5 к.**

Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* **7**-е изд., 12 стр. **100** рис. **Цѣна 1 к.**

НАГЛЯДНО ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ:

1) къ «Родн. Слову» Ушинскаго (400 рис.). 3-е изд.
2) къ Азбукѣ Бунакова (460 рис.). 2-изд.
3) къ «Первой Учебной Книжкѣ» Паульсона (430 рис.).
4) къ «Рус. Азбукѣ» Водовозова (470 рис.).
5) **Общія Нагляд.-Звук. Прописи** (къ др. азбукамъ 463 р.).

Составилъ *Ф. Павленковъ.*
Ц. каждой книжки 8 к.

Нашъ другъ Книга для чтенія въ школѣ и дома Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ* 12-е изданіе, 320 съ 227 рисун. и портретами **Цѣна 75 коп.**

О способахъ обученія въ семьѣ и школѣ. Составилъ *Н. Бліновъ,* 3-е значительно допол. изданіе со многими рис. въ текстѣ. **Цѣна 40 к.**

Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ. Методическія указанія для подростковъ и взрослыхъ. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* **Цѣна 50** коп.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. *Ф. Гольцендорфа.* **Ц. 75 к.**

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* **Цѣна 35 к.**

Земская служба. Бесѣды гласнаго крестьянина Акима Простоты. Состав. *Н. Бліновъ* Книга эта состоитъ изъ 12 разсказовъ, которые, знакомятъ со всѣми главнѣйшими основами нашего земскаго самоуправленія. **Цѣна 50 к.**

Сельская общественная служба. Бесѣды старосты-крестьянина Акима Простоты. Составилъ *Н. Бліновъ.* 210 стр. **Цѣна 50 к.**

Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные съ приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ. Составилъ *В. Фармаковскій.* Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Спб. 1884 г. **Ц. 1 р. 25 к.**

Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е дополненное изданіе, съ 10-ю раскрашенными картами и 82 политипажами Спб. 1883 г. **Цѣна 1 р. 25 к.**

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. *Барона Корфа.* **Ц. 10 к.**

Какъ обучать грамотѣ ребятъ и взрослыхъ. *Н. А. Корфа.* **Ц. 10 к.**

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популярный обзоръ его главнѣйшихъ трудовъ, составленный *Гексли, Гейки, Дайеромъ* и *Романессомъ.* Съ портретомъ Дарвина, гравир. на стали. Перев. *Г. Допатина.* **Цѣна 75 к.**

Общепонятная геометрія, *В. Поточкаго.* Съ 143 черт. и 204 зад. **Цѣна 40 к.**

Частная медицинская діагностика. Руководство для практическихъ врачей. Составилъ профессоръ *Да-Коста.* Переведъ съ нѣмецкаго, по рекомендаціи профессора *В. Манасеина,* докторъ *Д. Фридберъ.* 704 стр. съ 43-мя рис. **Цѣна 3 р. 50 к.** (на нѣмецкомъ языкѣ эта книга стоитъ **8 р.**)

Элементарная анатомія, физіологія и гигіена. *М. Герасимова.* Съ необходимыми свѣдѣніями относительно поданія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. 2-е значит. дополненное изданіе съ 65 рисун. **Цѣна 75 к.**

Психологія великихъ людей. Составилъ профессоръ *Г. Жоли.* Содержаніе; Подготовленіе генія расой. Вліяніе родовой наслѣдственности. Великій человѣкъ и современная ему среда. Геній и вдохновеніе. **Цѣна 1 р. 25 к.**

Электрическое освѣщеніе въ примѣненіи къ жизни и военному искусству. Составилъ *В. Чиколевъ.* Спб. 1885 г. Около 150 рисунковъ. **Цѣна 2 руб.**

Электричество и магнитизмъ. Составили *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* Переводъ *Ф. Павленкова, В. Черкасова* и *С. Степанова* (изъ «Полн. Курса Физики» Гано.) Спб. 1885 г. Около 300 стр. съ 340 рис. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Популярная физика. *А. Гано.* Переведъ съ франц. *Ф. Павленковъ.* 3-е изданіе. Съ 604 рис. и 200 вопросами. **Цѣна 2 руб.**

Полный курсъ Физики. *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 6-е изд. Съ 1232 рисунками, 2-мя раскраш. таблицами спектровъ, 170 задачами, обзоромъ метеорологич. явленій и краткимъ очеркомъ химіи. **Цѣна 4 руб.**

Телефонъ, микрофонъ и фонографъ *Дю-Монселя.* Переведи съ французскаго *Ф. Павленковъ* и *В. Черкасовъ* 324 стр. съ 74 рис. **Цѣна 1 руб. 50 к.**

Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной психологіи съ прибавленіемъ краткой исторіи соціологіи *Эспинаса.* Переведъ со 2-го французскаго изданія *Ф. Павленковъ.* 500 стр. **Цѣна 2 р. 50 к.**

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярной естественно-научной философіи *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленковъ.* 2-е изд. **Цѣна 2 р. 50 к.**

Русская начальная школа. Руководство для земскихъ гласныхъ и учителей народныхъ школъ. *Барона Н. Корфа.* 7-е изданіе **Ц. 1 руб. 25 к.**

Триста письменныхъ работъ. Задачи для упражненій въ письмѣ для всѣхъ 3-хъ отдѣленій начальной школы *Барона Н. А. Корфа.* **Цѣна 12 к.**

Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ. Состав. *Баронъ П. А. Корфъ.* **Цѣна 60 к.**

Популярная химія *Н. Вальберха* и *Ф. Павленкова.* 2-е изд. **Ц. 40 к.**

Сборникъ задачъ по русскому правописанію. Съ прилож. подробнаго конспекта. Курсъ 1-й Правописаніе словъ Сост. *В. Разыграевъ.* Спб. 1885. **Ц. 50 к.**

Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указаніемъ грамматическихъ правилъ. Учеб. книжка для семьи и школы *Н. А. Корфа.* Спб. **Цѣна 12 коп.**

Сборникъ алгебрическихъ задачъ. *М. Савинкаго.* **Цѣна 40 коп.**

Русская тля за границей. Двадцать семь очерковъ, рисующихъ жизнь нашихъ фланеровъ въ Парижѣ и въ Италіи. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Краткая физика. Съ 335 рисунками и 256 практическими задачами въ формѣ вопросовъ. Составилъ *М. Герасимовъ.* 300 стр. **Цѣна 1 р.**

Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* Руководство для дѣтей средняго возраста, редактированное д-ромъ физики *О. Хвольсономъ.* Съ 96 рисунками и 275 вопросами. Спб. 1885 г. **Цѣна 50 коп.**

Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашенныхъ картъ: 1) Земныя полушарія. 2) Европа. 3) Азія, 4) Африка, 5) Сѣв. Америка, 6) Южная Америка, 7) Австралія, 8) Рѣки и горы Европ. Россіи, 9) Европ. Россія, раздѣленная на губерн. 10) Генеральная карта Европ. и Азіат. Россіи. **Ц. 30 к.**

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ семи томахъ, съ портретомъ автора. Цѣна каждаго тома—**1 р. 50 коп.** Въ переплетахъ каждые два тома—**по 3 р. 50 к.**

Иллюстрированная Хрестоматія *А. Тарнавскаго.* Для низшихъ учебныхъ заведеній и младшихъ классовъ гимназій. (Съ 25 портретами лучшихъ русскихъ писателей). 360 страницъ. *Третье* дополненное изданіе. **Цѣна 1 р.**

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. **Цѣна 15 коп.**

Курсъ русской грамматики. *В. Миропольскаго.* Для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1885 г. **Цѣна 1 руб.**

Учебникъ химіи. Въ объемѣ курса реальныхъ училищъ. Составилъ *А. Альмединіенъ* Спб. 1885 г. Съ 96 рис. и сборник. 140 хим. зад. и вопр. **Ц. 2 р.**

Начальная русская грамматика *И. Бучинскаго* **Ц. 30 коп.**

Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима.* Перевелъ и дополнилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* **Ц. 75 коп.**

Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *В. Иверсенъ.* съ 43 рис. **Ц. 80 к.**

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Параллель между великими людьми и помѣшанными. Переводъ съ 4-го итальянскаго изданія *К. Тетюшиковой.* Спб. 1885 г. Съ портретомъ автора и рисунками. **Цѣна 2 руб.**

Біографіи образцовыхъ русскихъ писателей. *Павлова.* Съ 11 портретами Спб. 1884 г. **Цѣна 25 к.**

Книжный склад
.....р. .....к.
Петроградск. Центр. Раб. ...с.

ВО ВСѢХЪ КНИЖ. МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

АФГАНИСТАНЪ

и

СОПРЕДѢЛЬНЫЯ СТРАНЫ.

Историко-политическій очеркъ

С. Н. ЮЖАКОВА

Содержаніе: Предисловіе. — Введеніе. — **Часть I.—Географическій очеркъ.** — **Часть II.** — **Историческій очеркъ** (до-афганскій періодъ). Гл. I. Древнѣйшія времена. Ахемениды.—Гл. II. Походъ Александра Македонскаго.— Гл. III. Греко-македонское господство. Гл. IV. Первое господство тюрковъ. Парояне, Саки, Юты.—Гл. V. Періодъ возрожденія. Сассаниды. Буддизмъ. — Гл. VI. Аравійское нашествіе и господство. — Гл. VII. Національно-мусульманское возрожденіе. Тагериды, Соффариды, Саманиды, Газневиды.—Гл. VIII. Второе господство тюрковъ. Сельджуки и Уйгуры.—Гл. IX. Окончательное торжество Турана. Чингизъ и Тимуръ.—Гл. X. Эпоха упадка и смутъ.— **Часть III.—Афганское государство**: Гл. I. Афганскій народъ, происхожденіе и составъ. Основаніе афганской державы. — Гл. II. Государственное устройство. Правленіе шаха Ахмеда.—Гл. III. Правленіе Седдозейской династіи. Гл. IV. Смуты. Борьба между династіями. Первая англо-афганская война. Гл. V. Правленіе Барекзейской династіи. Послѣднія событія.—Заключеніе.—Алфавитный указатель собственныхъ именъ.